

Фаза: Погружение

Эвелина Рив

18+

Эвелина Рив

Фаза: Погружение

«Автор»

2026

Рив Э.

Фаза: Погружение / Э. Рив — «Автор», 2026

Следователь Елена возвращается из отпуска прямо в эпицентр странного дела. На первый взгляд – рутина, но что-то не дает ей покоя. Заявления потерпевшего о докторе Вайнере кажутся бредом сумасшедшего, однако череда пугающих совпадений и загадочный помощник Марк затягивают Елену в опасную игру. Встречи с другими "пациентами" доктора лишь усиливают подозрения: все они чего-то боятся, страдая от одинаковых симптомов. Но что, если самый страшный эксперимент доктор Вайнер решил провести на самой Елене, предложив ей сеанс гипноза? Теперь ей предстоит не только раскрыть дело, но и спасти собственный разум, пока грань между реальностью и кошмаром не стерлась окончательно.

© Рив Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эвелина Рив

Фаза: Погружение

Глава 1

В довольно большой аудитории, заполненной до отказа людьми, иногда доносилось чихание или шёпот, но в целом все слушали человека на сцене. Он был не молод, но выглядел явно моложе своих лет. Это сквозило в его словах, жестах, и его внешний вид лишь подчеркивал солидность. Но его это и не заботило, он говорил увлечённо, небрежно скользя взглядом по всей аудитории, наблюдая за реакцией зала, но при этом держался отстранённо, словно случайный гость, нарушающий устои данного мероприятия.

Не стремясь быть потрясающим оратором, он, несомненно, обладал для этого всеми необходимыми качествами, и, казалось, если бы хотел, то мог бы управлять всем залом. Люди в зале были разных возрастов и одеты в разные костюмы, но отражали одни и те же интересы и профессию. Студенты, преподаватели, в том числе с самыми высокими званиями. В зале царил полумрак, и лишь свет прожекторов освещал фигуру и лицо оратора. Но сам он, в свою очередь, прекрасно видел лица слушателей. Многие знали, что он говорил искренне, и понимали слушать его было не пустой тратой времени. У него был собственный стиль и особая манера изложения.

Он старался говорить не пафосно, не обостряя и без того заряженную атмосферу. Возможно, это была его своеобразная тактика, которая показала свою эффективность. Аудитория была внимательной, и лишь некоторые иногда поглядывали на свои мобильные телефоны. В последнее время он был нечастым гостем на подобных собраниях, не потому что его не приглашали, нет. Наоборот. У него не было проблем с публичными выступлениями. Сейчас его больше всего беспокоило потеря времени. Последние несколько лет он находился в состоянии вдохновения. И оно иногда даже заставляло его работать на износ, забывать о каких-то повседневных делах, которые, как ему казалось, отвлекали от важного. Но, понимая, что нужно соблюдать сроки, справлялся с этим.

Он понимал, как нелегко преподавать. Не знаешь наверняка, получится ли из напичканного знаниями студента хороший врач. Психиатрия — это не про запоминание симптомов, которые всё равно можно забыть через неделю. Это ремесло. Искусство. Ремесло тонкое, требующее не только знаний, но и особых качеств. Разве может холодный, расчётливый человек, воспринимающий пациента как набор симптомов, как сломанный механизм, проникнуть в чужое сознание? Здесь нужно иное. Способность видеть за словами невысказанные страхи и надежды. Здесь нужно не только учить, но и наблюдать, направлять, иногда даже провоцировать и при этом учиться самому.

Он, возможно, и сам бы с удовольствием предался воспоминаниям, которые придавали оттенок одновременно сладкой грусти и щемящей ностальгии. Но его мысли занимали совершенно другие вещи. Когда человек занят, у него есть цель, он редко оборачивается назад. Все его мысли в данный момент, даже в фоновом режиме, были устремлены вперёд. Не знающие его люди могли бы охарактеризовать его поведение в зале как слегка растерянное. Говорил он спокойно, но иногда странно поглядывал в зал.

Воздух в аудитории был густым и неподвижным, пропитанным запахом старых книг, пальто и едва уловимым ароматом духов. Пылинки танцевали в единственном остром луче проектора, словно безмолвная галактика, парящая над головами внимательной публики.

— Психотерапия — это не осуждение или постановка диагноза, а универсальный подход. Путь к выздоровлению у каждого уникальный, это не быстрое решение проблемы, а процесс,

требующий терпения. Она должна стать ценным инструментом для самопознания и роста. И здесь мы возвращаемся к началу. Сложно построить диагноз — я не зря употребил это слово, — иногда мы его выстраиваем сами, смотря на всё сквозь призму слов пациента. Как вы различаете различные расстройства от депрессии, а депрессию от меланхолии как черты характера? Нечестность в силу стеснительности от безнравственного поведения? Подозрительность, граничащую с паранойей? На чём основывается ваш диагноз?

В зале наступила почти полная тишина, аудитория не понимала, требуют ли его вопросы ответов. Наконец один из присутствующих, сидящий в переднем ряду, поднял руку. Это был мужчина среднего возраста в солидном костюме.

— Разве не на том, что вы перечислили, и на том, чему нас учили, — сборе данных и рассказах самого пациента? — обобщённо задал он ответный вопрос.

— Если он вам всё расскажет, — не задумываясь, ответил тот и увёл взгляд куда-то в сторону.

— Да... да, вы правы, — лектор посмотрел незаметно на часы. Со времени его выступления прошло уже двадцать пять минут. Он решил, что можно на этом заканчивать. Он был не первым выступающим сегодня и не последним. Закрыв перед собой тетрадь, словно передумав поведать о её содержимом, он растерянно добавил:

— На этом можно закончить, прошу меня простить, у меня на этом всё, — Неожиданно для самого себя он закончил речь.

— Но, доктор, подождите, можно вопрос...

Вопросы сыпались один за другим невпопад.

— В следующий раз... не сегодня... — замешкался доктор, растерянно бегая взглядом по залу, пытаясь тихо отвечать на них. Он совершенно не ожидал такой реакции. Скомкав финальную фразу, он резко опустил взгляд на свою тетрадь.

«Может, оно и к лучшему, — подумал он. — В конце концов, главную мысль я уже озвучил, а задерживать людей — дурной тон».

Под гул зала он осторожно взял тетрадь со стола и пошёл в направлении к выходу. Краем глаза он заметил, как на сцене появился человек, который успокаивал зал, заполнив неловкую паузу. В гардеробной было немногочленно. Доктор снял бейдж с лацкана пиджака и положил его в карман. Застегнув пальто, он попрощался с присутствующими и, взяв сумку, вышел из здания.

Когда он вышел на улицу, прохладный весенний ветер приятно освежил его лицо. Он уже неспешно направился к машине, обдумывая предстоящий день, когда его окликнули.

— Доктор Вайнер!

— Да? — обернулся он, услышав знакомый голос. Перед ним остановился тот самый мужчина, который задал ему вопрос. «Не студент», — отметил про себя доктор.

— Простите, доктор. Я приехал сюда из другого города, я работаю в клинике... — заговорил мужчина и тут же запнулся, — Мы ведь не знакомы, но я, конечно... я вас знаю. И простите за мой вопрос... я думаю, что задал его некорректно. Мне кажется, вы неправильно меня поняли, — он говорил быстро, стараясь выжать из собственных мыслей основную.

— Нет, вам не за что извиняться, просто у меня возникли срочные дела, — спокойно ответил доктор.

— Да, конечно... мне было крайне интересно послушать вас.

— Простите, как вас?

— Да, я Николай... Филис. Надеюсь, когда у вас будет время, мы познакомимся поближе?

— Само собой.

— Не буду вас отвлекать, было приятно познакомиться ближе. — Николай заметил его блуждающий взгляд и краткие ответы. «Нет, — подумал он, — это не растерянность, с чего ему теряться передо мной?» Его ответы, отрывистые и отстраненные, не были признаком про-

стой застенчивости. Он решил закончить разговор первым, видя, что человек не настроен на беседу и, возможно, действительно торопится. Взгляд доктора временами блуждал от одного прохожего к другому, но при этом он прекрасно улавливал каждое слово. Возможно, мимолетная встреча казалась доктору... странной. Филису не хотелось быть назойливым, и он протянул руку, которую в ответ пожал доктор. Затем доктор сел в свою машину и уехал, а Николай еще какое-то время смотрел как машина исчезала в потоке. Возвращаясь, он обдумывал как его, да и не только его, еще в зале притягивал необъяснимый магнетизм, который излучал доктор.

Глава 1

К начальству в кабинет Елену вызывают не так часто. «Наверное, сейчас подсунут какое-то...» Неспешным шагом она шла по узкому коридору, иногда обмениваясь приветствиями со встречными знакомыми, но в основном сосредоточенно разглядывала пол и свою обувь. Приветствия как автоматизм, социальный ритуал, лишенный содержания.

Коридор, казалось, тянулся бесконечно — стерильный туннель из отполированного линолеума и гудящих люминесцентных ламп. Пахло слабым, застарелым кофе и чистящим средством — официальный аромат бюрократии. С каждым шагом её туфли издавали тихий, ритмичный стук, одинокий метроном, отсчитывающий секунды до разговора, который, как ей казалось, ей не понравится. Когда она вошла в кабинет, там уже сидели двое.

— Садись, — предложил главный, указывая рукой на кресло напротив своего массивного стола. Рядом, в соседнем кресле, сидел молодой стажёр. Его кресло скрипнуло, когда он поерзал, и Елена заметила на его пиджаке слегка перекрученный бейдж с именем. Они уже были шапочно знакомы и обменялись кивками в знак приветствия.

Кабинет руководителя был обставлен функционально, но без особых изысков. Стены выкрашены в спокойный бежевый цвет, на одной из них висела большая карта города, на другой — несколько рамок с дипломами и сертификатами. За массивным столом из светлого дерева стояло кожаное кресло, перед ним — два гостевых кресла, обитых той же кожей. На столе царил лёгкий, но рабочий беспорядок: стопки папок, блокнот, ручки, чашка с остывшим кофе. Из окна, задёрнутого жалюзи, пробивался рассеянный свет. В углу почему-то жужжал небольшой кондиционер. Её новый деловой костюм, казалось, натирал плечи, а туфли, как будто, были на полразмера меньше.

— Ну что ж, я вижу, что вы уже познакомились, — подал голос начальник, явно пытаясь выглядеть приветливо, но его хмурые брови и стальной тон выдавали привычку держать дисциплину железной рукой.

— Сорина по состоянию здоровья не будет две недели, остальные не свободны, поэтому обращаюсь к тебе. Дело не то чтобы тяжёлое... скорее странное. Кстати, как ты отдохнула? — перебирая бумаги, неспешно, с притворным безразличием в голосе спросил руководитель.

— Неплохо, — машинально ответила она, точно так же уловив характер беседы.

Наблюдая за ним, она в который раз поражалась, как он держался в этом кресле, в этом кабинете. В общем, его можно было охарактеризовать как человека, находящегося на своём месте. Во всех смыслах. На его фоне она со стажёром казались чужими, выделяясь ёрзанием на своих местах.

— Перейдём к делу, — сказал он с тем же тоном, даже не выслушав ответ. — Потерпевший — мужчина шестидесяти лет, обратился к нам, ну как обратился... помогла сестра. Подал заявление на своего психотерапевта, у которого наблюдался. Заявляет, что он умышленно нанёс вред его состоянию. Жалуется на бессонницу, галлюцинации и прочее, там, в бумагах, всё написано подробно. Макс помог нам немного, разузнав об этом деле, — при этом он указал на рядом сидящего человека. — Сейчас я передам все материалы тебе.

— Чем я могу помочь? — спросила Елена, искренне не понимая, почему они в следственном отделе должны вообще этим заниматься и с каким безразличием он перечислял все

эти... побочные эффекты. Галлюцинации, бессонница и... прочее? Как будто сводку новостей прочитал.

— Какое отношение следственный отдел имеет к жалобам на психотерапевта? Это же не уголовное дело, насколько я понимаю... И галлюцинации с бессонницей — это, простите, не наша специализация.

— В смысле? — переспросил Шарн, резко поднимая голову, и пронзая её взглядом.

— Я не доктор, — ответила она, отводя взгляд.

— Очень похоже на то, что действует какой-то шарлатан, или даже группа, — продолжая возиться с бумагами на столе, сказал он. — Они ему что-то внушили, запугали. Да он, видимо, и сам не здоров. Думаю, если и есть какая-то цель, то это — вымогательство.

— Кто “они”? — заинтересовалась она, немного подавшись вперёд.

— Это и нужно выяснить, — ответил Макс, откинувшись на спинку кресла.

— Макс ездил к нему, — продолжил Шарн. — Он жутко напуган, то ли ничего не помнит, то ли не хочет рассказывать.

— Может быть, ему в клинику обратиться? — с сарказмом проговорила Елена.

— Он как раз оттуда. И там не считают его сумасшедшим, — сказал Шарн, снова посмотрев на неё внимательно.

— Почему не обратиться в медицинский комитет? — продолжила Елена.

— Придётся рассмотреть это заявление. Какая разница, куда он обратился? — с лёгким раздражением заговорил начальник. — Он журналист. Пишет в какой-то газете. Зачем нам лишние проблемы? Да и если нужна будет помощь, можешь обращаться к Макс, — с этими словами он передал документы Елене, давая понять, что обсуждать больше нечего.

Оба сотрудника переглянулись, не спеша поднялись с кресел и вышли из кабинета.

— Пройдём ко мне, расскажешь то, что знаешь, — сказала она молодому человеку. И они не спеша отправились в кабинет Елены. Было видно, что ни у кого из них не было интереса заниматься этим делом. Но они должны были.

Когда они вошли в комнату, Елена закрыла за ними дверь. Опустившись в кресло, Елена тут же сказала:

— У нас вообще ничего нет. — Она коротко посмотрела ему в глаза, ожидая ответа, но, не дождавшись, продолжила: — Может, он врёт или просто болен?

— Не сказать, что он псих, он просто очень напуган, — ответил он, сев напротив неё. — К тому же он говорит, что наверняка есть и другие потерпевшие. — С глубоким вздохом он начал рассказывать. Пока он говорил, она слушала, не сводя глаз с его лица. В Максе чувствовалась какая-то сдержанная сила, несмотря на молодость. Он держался уверенно, но в его глазах мелькала тревога, которую он старательно пытался скрыть.

— Они есть? — удивленно подняв брови, спросила Елена. Молодой. Понятно, что будет стараться.

— Я не проверял, — ответил Макс и, растерявшись, добавил: — Я выяснил только то, что мне поручили. В бумагах есть его адрес, и всё что я знаю, указано, там, — затараторил он, всем своим видом показывая, что вряд ли он чем-то поможет.

— Спасибо, Макс, — сказала ему она. Он тут же поднялся с кресла и торопливо вышел из комнаты.

Елена ещё какое-то время смотрела на документы, потом, взяв их в руки, открыла и стала читать. Негусто. Информации было немного, но этого было достаточно, чтобы дать ей представление о том, что происходит. Со вздохом она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. В любом случае, нужно будет наведаться к нему, а там будет видно. Какое-то время она ещё сидела за столом, глядя на ровные ряды букв на бумаге. Ещё один день, ещё одна рутинная работа. Она позвонила по указанному в деле номеру и предупредила о своём визите. Выйдя из кабинета, она накинула плащ. «В любом случае, — думала она, — всё легко разрешится».

Сев в машину, она опустила стекло, подставив лицо весеннему ветру, пытаясь прогнать сонливость и усталость, которые, казалось, пропитали её. Потом посмотрела в зеркало. Усталость на лице. Понять бы, отчего. От будней, повторяющихся один за другим. Монотонность её повседневной жизни иногда казалась удушающей, и она сама понимала, что, возможно, пришло время вырваться из этого цикла и что-то изменить. Именно поэтому она недавно и отдыхала за свой счёт, но не чувствовала, что что-то изменилось. Люди берут отпуск чтобы отдохнуть, набраться сил, перезагрузиться. Но у нее не сработало, возможно потому, что это усталость не физическая. Это нечто другое. Непонятное. Глубокое. План сбежать из своего состояния провалился, и теперь она вернулась в ту же точку, с которой начала, но с дополнительным грузом.

Человек должен быть занят, и занят тем, что ему действительно интересно. С этим в последнее время было напряжённо. И, видимо, это настолько заметно, что видно всем окружающим. И вот такие дела вручают ей именно поэтому. «Хотя какая разница?» — думала она. В свои тридцать с лишним ни семьи, ни детей... И нельзя сказать, что она так сильно переживала по этому поводу. Ещё есть время. Да и есть работа, в которую она пришла сознательно. И вроде всё хорошо. Но и с этим что-то не так. Всё не так, как раньше. О каком профессиональном азарте можно говорить, когда нет даже любопытства. Глубоко погружаясь в себя, она не заметила, как оказалась у нужных дверей.

Глава 2

В доме было уютно и обстановка обычная. Особо рассматривать желания не было. В комнате, куда её пригласили, в центре стоял диван с креслами, в углу комнаты — письменный стол. На нём стояла лампа, лежали ноутбук и стопки разных бумаг. Было понятно, за ним активно работали. На диване сидел мужчина, напротив, в кресле, — хозяин дома, потерпевший. Они оба встали в знак приветствия. Заявитель, Леон Климов, был высоким, крепким мужчиной, одетым в свитер и свободные брюки. Вид у него был измождённый, а за очками прятались заметно уставшие глаза. Ещё в доме находилась женщина, видимо, это и была его сестра. Она и открыла ей дверь, проводила в комнату, предложила чай и ушла на кухню.

Елена протянула руку сначала одному, потом второму мужчине, представившись:

— Меня зовут Елена, я следователь, мне поручили заниматься вашим заявлением.

— Мой знакомый Марк... он посвящён в мою проблему, мы с ним как раз об этом говорили. Мне, думаю, представляться не нужно, — начал мужчина в очках, указывая на человека напротив. Он был в костюме, немного отрешённый на вид. — Прошу вас, садитесь.

Леон снова опустил в кресло, а Елена расположилась на диване с Марком, напротив заявителя. Из кухни доносилось тихое звяканье посуды — сестра Леона старалась быть незаметной, но её присутствие ощущалось в каждом углу.

— Вы как-то связаны с этим делом? — спросила у него Елена, имея в виду его слова.

— Не совсем, — ответил он.

— Он помогает мне, занимается изучением... необъяснимых явлений, — поспешно встал Климов и тут же, кажется, пожалел, об этом.

Дело становится всё интереснее. «Зачем я здесь?» Будто услышав её мысли, мужчина улыбнулся.

— Мне так же, как и вам, до сих пор не верится... всё это кажется бредом, но... после того, что со мной произошло, я стал иначе смотреть на... многие вещи.

— Вы считаете, что это как-то связано с... необъяснимыми явлениями? — спросила Елена, медленно и с нажимом произнося последние два слова. Она использовала его же формулировку, но вложила в нее весь свой профессиональный скепсис. Это был не вопрос, а тест. Она смотрела на него в упор, ожидая увидеть блеск фанатизма в глазах, странные жесты, любые признаки человека, потерявшего связь с реальностью. Для неё "необъяснимые явления" были синонимом бреда, удобной ширмой для тех, кто не мог или не хотел признавать свои психологические проблемы.

Но Леон не оправдал её ожиданий. Он не стал вдохновенно кивать. Наоборот, его лицо на мгновение исказила гримаса почти физической боли, словно она затронула открытый нерв.

— Я пока ничего не считаю, — тут же возразил он, и в его голосе прозвучало не безумие, а отчаяние. Это был голос человека, который сам до последней секунды цеплялся за рациональность, но реальность выбила у него эту опору из-под ног. Он смотрел на неё почти с просьбой. Но она и не собиралась вешать на него ярлык сумасшедшего. Скорее всего, сейчас он и сам был в ужасе от того, во что превращается его жизнь.

Елена достала из сумки блокнот с ручкой, чтобы записывать важные детали. «Какие детали?» — подумала она, открыв и посмотрев в блокнот. И тут же, закрыв, убрала обратно.

— Давайте начнём по порядку, с начала. При каких обстоятельствах вы попали именно к этому врачу? — спросила Елена.

— Я попал к нему случайно, вернее, из любопытства. Один мой хороший знакомый был его пациентом. Хотя, если быть точнее, — он запнулся, подбирая слова, — он ходил к нему за новыми впечатлениями.

Во время рассказа мужчина всё время тёр руки и почему-то поглядывал в угол комнаты. Елена это заметила, и изредка машинально смотрела туда вслед за ним. Словно кто-то мог сидеть там и подслушивать их. Но ничего, кроме больших часов, висящих на стене, она не обнаружила. Жесты нервозности, Елена видела сотни раз на допросах. Но его взгляд то и дело снова срывался в угол комнаты, быстро, почти украдкой, словно он боялся, что его поймут на этом.

На мгновение профессиональное любопытство сменилось чем-то другим — почти первобытным, неприятным ощущением. Ей самой захотелось обернуться, проверить, не стоит ли кто-то за её спиной. Она подавила этот иррациональный порыв, вернув себе маску отстраненного следователя. Это была просто паранойя. Симптом. Она должна была зафиксировать его, а не поддаваться. Но тиканье часов, которое она раньше не замечала, вдруг стало казаться оглушительно громким, отсчитывающим секунды в наступившей тишине.

— Это как? — голос Елены прозвучал чуть неувереннее, чем она хотела. Она пыталась вернуть разговор в русло фактов, вырвать его из этого вязкого, тревожного полумрака.

— Дело в том, что этот специалист использует в своей практике гипноз. И использует очень часто, как мне кажется. Я ведь не доктор. Само собой, с согласия пациента, — ответил мужчина, продолжая: — И мой друг ходил к нему именно за этим. Его, в свою очередь, привёл к этому доктору другой знакомый. И, как оказалось, тот ходил к нему за тем же самым. Вот мне и стало любопытно.

— То есть вы ничем не страдали и пошли из любопытства? — спросила она. Она смотрела не только на него, но и на реакцию мужчины, сидящего рядом.

— Не совсем. Я пишу статьи в одной газете, и решил: если что-то подобное будет и у меня, то получится интересный материал. — На его лице на мгновение мелькнула тень былой профессиональной уверенности, самоирония журналиста, готового на всё ради хорошей истории. Но она тут же погасла.

Он опустил взгляд на свои руки, лежавшие на коленях, и тихо, почти шепотом, добавил:

— Но вышло намного интересней.

В этом простом слове — "интересней" — не было ни капли азарта или восторга. Оно прозвучало глухо, как приговор. Это было слово человека, который полез куда не надо в поисках сенсации, а обнаружил там словно бездну, которая теперь смотрела на него изнутри. Елена почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она видела такое раньше, в глазах, переживших многое. Это была не просто усталость. Это было знание. Знание о том, что реальность может сломаться в любой момент, и что под тонкой коркой обыденности скрывается нечто, к встрече с чем он был совершенно не готов.

— В смысле? — спросила она, и её голос невольно стал тише. Вопрос прозвучал уже не как требование следователя, а как осторожная просьба человека, который боится услышать ответ.

— Я даже не знаю... как объяснить. Понимаете, мой друг говорил о таких вещах внутри себя... Но потом он вдруг исчез, стал избегать встреч со мной, не отвечал на звонки. И в клинику перестал ходить. Как-то я встретил его случайно на улице, и он спросил у меня, посещаю ли я этого психолога, на что я ответил, что да. И он посмотрел на меня так странно и сказал, что лучше прекратить. Я стал спрашивать у него почему и куда вообще он пропал, но он под какими-то предлогами буквально убежал от меня. Вид у него был, я вам скажу, просто измученный.

Во время его рассказа Елена смотрела то на собеседника, то на молчаливого молодого человека, который сидел рядом. Слегка отрешённый, он так же поглядывал то на него, то куда-то в пустоту и слушал всё это абсолютно беспристрастно. Похоже, он слышал всё это уже не раз. Они слушали его не перебивая, и он продолжал:

— Моя работа заключается ещё и в поисках интересных и актуальных тем. Мне тоже приходится проводить исследования, консультироваться. Но я решил это попробовать на себе и тем самым собрать материал для будущей статьи. Журналист должен обосновать свои утверждения. Но здесь такая тема. И, встретившись с доктором Вайнером, я даже не стал пытаться поговорить с ним. Не знаю почему, но мне показалось, что он не стал бы говорить со мной об этом.

Было видно, что Леон человек открытого мышления и гибкости к различным темам и форматам, но эта оказалась сложной.

— Конечно, на этом я не остановился. Через общих знакомых я нашёл телефон человека, который и привёл моего друга в эту клинику. И как вы думаете, что оказалось?

Елена пожала плечами.

— Он попал в психиатрическую больницу.

— Может быть, этот доктор не помог ему, потому что... он был сложным пациентом? — предположила она.

— Я думаю, он помог ему попасть в больницу, а на очереди и мой друг, — ответил Леон.

— Чем конкретно он навредил вам? — спросила Елена, возвращая разговор к его проблеме.

— Да, что касается меня, — растерявшись и вытирая лоб, начал тянуть собеседник. — Я тоже где-то неделю пролежал в больнице, но я смог взять себя в руки. Сейчас наблюдаюсь дома, — сделав паузу, он продолжил:

— Сначала всё было интересно. Он, видимо, неплохо владеет своим ремеслом. Но я не сразу смог поддаться гипнозу. Ведь я до этого ничем таким не страдал.

— Сколько сеансов вы прошли? — спросила она, словно что-то в этом понимает.

— Около шести, — ответил он.

— И что с вами происходит? — с любопытством спросила она.

Он уставился на неё растерянно, не понимая вопроса. — Со мной?

Сделав паузу и собравшись с мыслями, он заговорил.

— Я, знаете ли, как бы это сказать, стал видеть разные вещи. Галлюцинации, что ли, — пытался объяснить мужчина.

Елена нахмурилась. Его голос звучал странно. Судя по всему, он был человеком прямолинейным, даже конкретным. Она замерла, и внезапное чувство тревоги охватило её. Было непонятно почему, но в его словах было что-то настолько неестественное, но она не могла подавить желание слушать дальше. И какой-то неведомый инстинкт пытался её предупредить, что знание — это тоже ловушка.

Он смотрел на следователя, которая слушала его очень внимательно, пытаясь уловить её реакцию. Он понимал: если бы ему стали рассказывать подобные вещи, возможно, и он относился бы к этому очень недоверчиво. А ведь он ещё ничего не сказал. Да и как объяснить кому-то то, что и себе объяснить не можешь?

— Вы что-нибудь принимали: алкоголь, запрещённые препараты? Может быть, он вам что-нибудь выписывал? — прервала она его мысли.

— Нет. Препараты я принимал уже в больнице. Алкоголь тоже не принимал. Я выпиваю, как и все, иногда. Если вы об этом, — ответил он, избавляя её от необходимости задавать подобные, неудобные вопросы.

— В чём конкретно он вам навредил? Просто я не понимаю вас.

— Да мне и самому трудно объяснить. Он навредил не только мне, я знаю уже двоих. Сколько нас на самом деле — неизвестно, — он наклонился к собеседникам, посмотрел в ту же сторону угла, и понизил голос.

— Мне кажется, он как-то влияет на нас на расстоянии.

— Это как?

— Не знаю. Вроде всё как обычно, и внезапно... — он, снова сделав паузу, вскинул руки, пытался что-то показать. — Всё возвращается, эти сны, видения. А самое страшное — это сонный паралич. С вами когда-нибудь случалось такое? Ты вроде не спишь, но не можешь пошевелиться. При этом вокруг происходят разные вещи... необъяснимые вещи. Их невозможно сперва отличить от реальности.

Елена вздохнула. Теперь и она не могла подобрать слова. Взрослый, образованный мужчина, на её взгляд, абсолютно здоровый, говорил всё это ей вполне серьёзно. Ей было затруднительно, она не знала, как правильно реагировать. Есть внешняя маска и есть внутренняя реальность, и они не совпадают. Она посмотрела на сидящего рядом Марка. Услышанное было мистическим, загадочным, но никак не обычным, и она не заметила у него никакого изменения в реакции.

Елена слушала, но не как сочувствующий человек, а как следователь. Она фиксировала всё: как пальцы Леона нервно теребят край свитера, как его взгляд то и дело срывается в темный угол комнаты, как голос срывается, когда он говорит. Она видела, что Марк, сидящий рядом, тоже наблюдает, но не за Леоном, а за её реакцией. Это была странная, немая композиция из трех человек, пойманных в одну иррациональную историю. И каждая деталь, каждый жест говорил: он не врёт.

Врачи сказали, что он здоров. Но если он не врёт, то что это? Её профессиональный мозг лихорадочно перебирал варианты — психосоматика, редкое расстройство, самовнушение. Но всё это казалось бледным и неубедительным, поскольку она не была врачом. На мгновение её мысли перенесли её в детство, когда они сидели и травили друг другу страшилки. Тогда тоже было страшно, но все понимали, что это игра. А Леон не играл. Его ужас был настоящим. И этот холодный, липкий страх из детских рассказов вдруг показался ей до боли реальным.

Посмотрев на Леона, она почувствовала, как по её телу прошла мелкая дрожь, смешанная с лёгким возбуждением. Да, вот то чувство, которое передалось ей с его рассказом. Вдохновение, которое возникает всё реже. Понимал ли он сам это? Переживая непонятно что, он горел этим чувством. Ещё недавно уставшие глаза теперь светились, и он умудрился заразить этим всех вокруг. И, словно проснувшись, она заговорила:

— Мне кажется, вам следует обращаться не к нам.

— Я уже был в клинике, они не смогли мне помочь. Они и диагноз-то поставить не смогли, потому что я здоров!

— С нами рядом человек... чем вы там занимаетесь? — она обратилась к Марку.

— Исследованиями... — начал было отвечать он, но она его перебила.

— И к чему вы это относите? — спросила она у него.

— Я не знаю, к чему это отнести, — раздражённо ответил за него Леон, зная, словно ожидал такой реакции. — Но я считаю, с этим нужно разбираться, ведь пострадал не только я.

— Но никто, кроме вас, больше не обращался с подобными заявлениями.

— Потому что им хуже, чем мне. Вы можете выяснить это сами.

— Да, — Елена поднялась, — мне нужно подумать над этим.

— Значит, вы отказываетесь, — почти констатировал он, потирая руки.

— Нужно всё обдумать, — повторила она, направляясь к выходу. У самой двери, когда она надевала плащ, её внезапно настиг Марк.

— Вы же не оставите всё это без внимания? — сказал он тихим, но взволнованным голосом.

— Может, вы этим займётесь? — тут же парировала Елена.

— В любом случае есть потерпевшие, и понятно, что что-то происходит. Я бы мог помочь. Я не стану вам мешать.

— Знаете, что я думаю? — спросила она, понизив голос и приблизившись к нему, чтобы никто не услышал. — Что этот человек действительно болен. А вы по непонятным мне причинам якобы ему помогаете.

Он тут же открыл рот, чтобы возразить ей, но замер. Слегка улыбнувшись, он кивнул в знак согласия.

— Я ведь ничего не отрицаю, — спокойно сказал он. — Я и предлагаю выяснить всё это. К тому же у вас есть десять дней на предварительную проверку.

Он сказал это так, словно отрезал, торопливо опустив глаза. Стало видно, что ему неудобно.

«Ну ничего себе!», — Елена поняла, что хоть что-то сделать всё равно придётся. Не только для видимости, ей и самой хотелось выполнить свои обязанности.

— И с чего же следует начать, как вы считаете? — с вызовом спросила она.

— Я думаю, нужно посетить и потерпевших, и клинику, чтобы отбросить ваши сомнения. Я с ними уже виделся. Могу помочь.

— Зачем это вам? — подозрительно посмотрев на него, спросила она.

— Потому что Леон хочет, чтобы я помогал ему в этом. И я так же, как и вы, выполняю свою работу, — очень аккуратно и неторопливо ответил Марк.

Елена сделала паузу, он был прав.

— Завтра в десять утра в больнице, где лежит, как там... его знакомый, вас устроит? — спросила она. — И мне нужен будет адрес больницы, — она достала из сумки свой блокнот с ручкой, открыла его на чистой странице и протянула ему.

— Да, вполне, — он, тут же взял блокнот, записал адрес, закрыл, вложив в него ручку, и вернул. — Встретимся там или как?

— Встретимся там, — ответила она решительно и вышла из дома.

Отъезжая, она ещё раз бросила взгляд на дом, у дверей которого стоял Марк, провожая её взглядом.

Глава 3

Всю дорогу до работы она старалась вспомнить каждое слово, сказанное Леоном. Она не была специалистом, но не заметила в его словах и намёка на душевное нездоровье. Уже на работе у неё сложился план. Она поедет в больницу, и поговорит с другим потерпевшим. Дальше перед ней чётко развились два хода событий. Если пациент будет придерживаться такого же мнения, то придётся "прожимать" доктора. Если же нет... то она не станет ничего делать. Ей пока ещё не совсем представлялось, как это будет выглядеть на деле, но ничего другого придумать она не могла. Дело было нестандартное, и требовало нестандартных решений.

Следующее утро для Елены было приятным. Она не спешно пила свой кофе, переключая каналы телевизора. Ведь она предупредила на работе, что утром ее не будет. Как здорово что никуда не нужно торопиться. Но будет ли оно и дальше таким, не понятно. В больницах она, конечно, бывала. Но в психиатрических никогда. Посмотрев в очередной раз на часы, она решила, что пора.

Припарковавшись около больницы, Елена вышла из машины и огляделась. Здание было светлым и внушительных размеров. Казалось, заблудиться в этом бесконечном лабиринте ничего не стоит. На крыше торчало множество антенн. Вокруг было оживленно, и шумно. У входа на территорию были открыты железные калитки. Рядом стоял охранник, наблюдая за входящими, и выходящими людьми. Елена прошла через них и оказалась во дворе больницы, усаженном деревьями и кустарниками, как в парке. Она прошла по асфальту до главного входа в здания. Войдя в парадное помещение, она вовсе растерялась. Каждая дверь была почти идентична предыдущей, а слабый запах антисептика, смешивался с отголосками шагов и обрывками чужих голосов. Столько людей и шума. Здесь было легко потерять чувство времени. Раздражающий шум шагов усиливался эхом, отражаясь от гладких стен. Ей навстречу подошел Марк, который видимо позаботился о том, чтобы прийти заранее. И за это Елена была ему признательна.

— Я уже предупредил лечащего врача. Нас пропустят. Нам туда, — показал он рукой, и они пошли в указанном направлении.

И всё же, если бы не Марк, она бы точно здесь потерялась. Изнутри больница казалась ещё больше, коридоры и комнаты, которые она успела разглядеть, были похожими друг на друга. От шума им приходилось перекидываться фразами с Марком громко, что, казалось, забавляло его. Когда они наконец прошли через несколько длинных коридоров, перед ними открылась просторная, неожиданно солнечная комната. Огромное окно вдоль одной из стен преобразовывало её, заливая мягким светом этот мир бесконечных коридоров. Пол сиял стерильной чистотой, столы стояли ровными рядами, каждая мелочь словно говорила о строгости порядка, царящего здесь. Людей было много. За одними столами сидели врачи в белых халатах, чьи лица были сосредоточены и серьёзны. Их разговоры изобиловали профессиональной терминологией. За другими — пациенты и посетители, которые навещали близких.

Марк отвёл взгляд от окна и улыбнулся ей, жестом приглашая к ближайшему свободному столу.

— Ну что, здесь точно не заблудишься, — пошутил он, но она заметила в его глазах нечто большее, что-то странно тёплое, несмотря на всё окружение. — Теперь мы можем немного перевести дух.

Она огляделась снова. Стены ей по-прежнему казались одинаковыми, но благодаря Марку окружающий хаос стал чуть менее пугающим, чуть более упорядоченным.

— Они не похожи на больных, — сказала Елена, разглядывая людей вокруг.

— Это место для встреч, не для буйных.

— А вы там были? — с любопытством спросила она.

— Нет. Просто знаю, — с улыбкой ответил Марк.

В это время к ним успели подойти двое: пациент в сопровождении медицинского работника.

Они поздоровались. Тот, что был в свободных брюках и рубашке, опустился на стул. Он, как и Климов, совершенно не был похож на больного, за исключением выражения его лица. Всё та же усталость отражалась в нём, только ещё более выраженная, особенно в глазах.

— Вас зовут Ян Ирвин?

— Да, — спокойно ответил тот.

— Вы знаете, зачем я здесь? — спросила Елена.

— Нет, — сухо ответил мужчина, — но его я уже видел, — он повернул голову к сидящему рядом мужчине. — Догадываюсь, — добавил он.

— Я из полиции, — продолжила она, показав удостоверение, — меня зовут Елена. Я веду дело вашего знакомого Леона и хотела бы задать несколько вопросов, вы не против?

— Смотря о чём, — ответил мужчина.

— Дело в том, что он подал заявление, обвинение против доктора, которого вы тоже посещали.

— И что? При чём здесь я?

— Вы давно знаете Климова? Давно с ним знакомы?

— Достаточно.

— У вас нормальные отношения? Вы ладите?

— Да.

«Да, — повторила уже про себя она, — видимо, придётся непросто. Зато недолго». Она, скорее всего, точно так же раздражала многих, поскольку в общении с незнакомыми или мало-знакомыми людьми вела себя похожим образом, буквально отсекая их короткими ответами. Но здесь был другой случай, это работа. А он, в свою очередь, не обязан был отвечать на её вопросы, пусть даже они были заданы крайне вежливо.

— Просто у вас похожие случаи. А можно узнать? — Елена выдохнула, стараясь подобрать слова, — что вас беспокоит?

Он сделал задумчивый вид и сказал:

— Ничего особенного. Я так думаю. Невроз.

— Поэтому вы здесь? — удивлённо спросила Елена.

Пожав плечами, он помолчал, после чего стал говорить растерянно:

— Здесь мне спокойней. Вот только иногда они заставляют меня спать.

На лице Елены застыл немой вопрос.

Он посмотрел на неё очень внимательно и сказал:

— Иногда я не могу проснуться.

Елена продолжала смотреть на него молча, ничего не понимая.

— Как вы считаете, почему вы попали сюда? — спросила она, видя, что у него нет желания говорить об этом, что в данном случае даже она признавала странным, и потому тянуть с прелюдией не было никакого смысла.

— Потому что я болен. С этим лучше говорить с моим лечащим врачом, — так же жёстко ответил он.

— Я, возможно, так и сделаю, но мне интересно... — начала она.

— Да, я знаю, — перебил он. — Я сам пришёл сюда.

А вот этого она не знала и потому на несколько секунд замешкалась. Эта фраза застала её врасплох. Она подняла голову, наконец-то посмотрев на него. В его глазах читалась странная смесь тревоги и... чего-то ещё, неуловимого, что она не могла определить.

— Почему?

Он отвёл глаза и, снова посмотрев на нее, ответил:

— Мне нужна была помощь.

— Что с вами произошло?

— Я посещал доктора в клинике. Я... я не могу объяснить. Это сложно.

— Ну, может, вы...

— Что-то пошло не так.

— Что именно? — Елена наклонилась вперёд, пытаясь поймать его взгляд.

— Я не помню.

— Вы мне только что сказали, что ходили к психотерапевту. Как вы можете не помнить, что там произошло?

— Я помню, что ходил к нему. Я помню, что он использовал гипноз. Но вам, наверное, интересно, что он мне внушал?

— Он вам что-то внушал? Что именно?

— Я же сказал, я не помню, — произнес он с ухмылкой, глядя ей прямо в глаза.

— Вы уверены?

— Да.

Он умело поймал её на крючок, возможно, случайно, наводящим вопросом. Её взгляд остановился на нем, ведь до этого она и не думала спрашивать его об этом. Она собирала кусочки информации, обрывки разговоров, мимолётные взгляды, плела из них шаткую версию, которую боялась озвучить. Теперь же, после его как бы невинного вопроса, уверенность покинула её, уступив место дикому любопытству.

Елена задумалась, откинувшись на спинку стула, стараясь скрыть волнение.

— Хм, зачем вы его посещали? — спросила она спокойно, словно интересовалась погодой.

— Как выясняется, у меня стресс, проблемы с нервами...

Как и у многих, хотела она сказать вслух, но не сделала этого. Она знала, что нужно давить, но не слишком сильно, чтобы не спугнуть.

— А я слышала, что вы посещали его совсем по другому поводу, — произнесла она, словно невзначай.

— Я не понимаю вас, — сказал он сосредоточенно. В его взгляде не было ни растерянности, ни настороженности. — Я же вам сказал, я ничем не могу помочь.

— А вам не кажется странным, что, посещая одного и того же специалиста, вы оба попадаете в больницу?

— Но врачей посещают больные люди, разве не так? — спросил он вызывающе.

«Да. Тут спорить не с чем», — про себя подумала Елена. По его коротким ответам она не понимала, что ещё может у него спросить. Никакого намёка на обвинение в сторону доктора Вайнера.

— И сейчас вам лучше?

— Как никогда. Иногда мне кажется, что мир вокруг сошёл с ума.

Он не был дезориентирован или сбит с толку, наоборот. Она была даже ошеломлена ясностью его мышления.

— И все же, почему вы сами пришли в больницу?

— Иногда не знаешь, где реальность, а где сон. У меня всё хорошо, но как-то я забыл, что это так, и меня захлестнула какая-то жизненная карусель, но я уверен, что перемены к лучшему.

Его слова полны двусмысленности, создавали ощущение, что правда где-то рядом, но постоянно ускользает. Немного сбитая с толку и в то же время заинтригованная, она искала ответы, столкнувшись с чем-то выходящим за рамки её опыта.

— Я могу идти? — спросил он.

— Да.

Мужчина встал, но вдруг, словно передумав, замер на месте, и посмотрел на них.

— Это, конечно, не моё дело, но лучше не лезьте в это.

— Лезть во что? Вы чего-то боитесь?

— Я всё сказал. — Он повернулся и неспешно направился к выходу.

— Поговорили, — бросила она, посмотрев на Марка.

— Да, со мной тоже было трудно. Я думаю, лучше поговорить с врачом, — ответил он.

Снова пройдя по многочисленным коридорам и прождав своей очереди, они сидели за столом напротив человека в белом халате.

— Что конкретно вас интересует? — спросил тот.

— Пациент Ян Ирвин, как он поступил к вам? — спросила Елена, её голос был напряжённым и выдавал едва уловимое беспокойство, которое она пыталась скрыть за профессиональной отстранённостью.

Он сел за стол, открыв ящик, и стал рыться в бумагах, пока наконец не нашёл нужную папку. Доктор открыл её, и шелест бумаги наполнил маленький кабинет. Елене этот звук показался странно успокаивающим на фоне тревожного разговора.

— Нервная возбудимость, галлюцинации, потеря аппетита, сна, — сухо и монотонно прочитал он, перелистывая страницы, просматривая записи, которые он сделал во время консультаций.

— Конкретно вам он рассказывал, что он видел, какого рода галлюцинации? — спросила уже Елена.

— Разные... разнообразные... — он пытался вспомнить сосредоточенно. — Ощущение, что за ним наблюдают.

Он снова сделал паузу, постукивая ручкой по папке, и поняв по лицам собеседников, что этого им маловато, добавил.

— Иногда он думает, что не спит. Но, скорее всего, это просто кошмары.

Беспокойство Елены усилилось. Она практически не знала Ирвина, но уже успела составить о нем впечатление, как о человеке, скрупулёзном и спокойном. Представить, что он борется с таким глубоким душевным потрясением, было очень трудно.

— А это нормально? — неуверенно спросила она.

Доктор не поднимал глаз от папки. Он закрыл её с тихим стуком, и звук эхом разнёсся по маленькой комнате. Наконец он встретил взгляд Елены. В его глазах было спокойствие, которое почти пугало.

— В его состоянии — да. Это ожидаемо. Галлюцинации — это симптом основного заболевания. Нарушения сна усугубляют другие проблемы. Это порочный круг, на самом деле.

— Он мне сказал, что не может проснуться. Так бывает? — спросила она.

— А... сонный паралич, — улыбнувшись, ответил он. — Такое иногда случается. Но он жалуется на это так часто... как я уже говорил, я думаю, что это просто кошмары.

Кошмары. Такое обыденное объяснение доктора. Он, наверное, ежедневно слышит и не такие вещи. Елена сглотнула, заставляя себя сохранять зрительный контакт.

— Как вы думаете, такое состояние мог вызвать врач? Я сейчас не о вас, — спросила она.

— Такое состояние могло вызвать всё что угодно, — ответил он. — Стресс, травма, глубинные психологические проблемы, даже лекарства. — Он сделал паузу, изучая её лицо. — Почему вы спрашиваете?

— Вообще-то я здесь не из-за этого пациента, а по причине другого, — ответила Елена, роясь в сумке. Она достала бумаги Леона, и передала их врачу.

Он открыл их и, пробежав глазами, сказал:

— Да, я помню его... да, я помню его, очень вежлив был. Он сейчас под нашим наблюдением, но находится дома, — Он ещё раз посмотрел на бумаги, и ухмыльнулся.

— Что? — заметив это, спросила Елена.

— Да ничего, просто у них случаи похожие. Почти один в один, — закрыв бумаги, он передал их ей обратно.

— Это странно? — спросила Елена.

— Ничуть. Я с этим сталкиваюсь каждый день, — улыбаясь, сказал доктор.

— То, что вы перечислили, — это диагноз?

— Нет. Это только симптомы. Диагноз пока не поставили. Мы вообще планируем отпустить его домой. Но он предпочёл остаться на несколько дней. Мы подозреваем острый невроз.

— То есть... они здоровы? — с любопытством задала вопрос она.

Она ожидала ответов, ясности, но вместо этого оказалась дрейфующей среди медицинского жаргона и двусмысленных заявлений. Доктор пошевелился в своём кресле, и это движение показалось оглушительным в тихой комнате. Он сцепил пальцы, его взгляд был устремлён на какую-то невидимую точку за её плечом. Елена нахмурила брови. Это был не ответ, а тщательно выстроенное предложение, призванное уклониться, а не объяснить.

— Само по себе психическое расстройство не является болезнью.

— Вы прекрасно понимаете, о чём я.

Доктор обеспокоенно посмотрел на неё, не зная, что ответить. Возможно, раньше ему не задавали такие вопросы.

— Я понимаю вас, — начал он, и тут же остановился, обдумывая слова. — Никаких серьёзных причин держать их здесь у нас нет. Ни явного психоза, ни активных галлюцинаций, представляющих опасность для них самих или окружающих. И в то же время назвать их, как и многих из нас, абсолютно здоровыми трудно... и неточно. Не забывайте, что они сами настояли на госпитализации.

Она заколебалась, затем продолжила:

— Просто дело в том, что они оба посещали одного и того же психолога, который, по их рассказам, часто подвергал их гипнозу. Один из пациентов обвиняет его в том, что именно по его вине попал сюда. Как вы думаете, такое в принципе возможно? — спросила она.

— Я припоминаю, один из них говорил что-то про гипноз. Вообще, вводить в гипнотическое состояние часто нельзя. Но это всё не факт. А потом ведь нужно знать, кто именно это делает. Если это гипнолог без специального образования, просто прошедший какие-то курсы, то вполне могут быть последствия. Вы, наверное, уже сталкивались с таким. — Сказав это, он указал на Елену, и она в ответ кивнула. — Мне трудно судить, — развёл руками доктор.

Доктор откинулся в кресле, и кожа скрипнула под его весом. — Это сложный вопрос. Человеческий разум удивительно живуч, но в то же время невероятно хрупок. Внушаемость у разных людей варьируется в широких пределах. Некоторые люди гораздо более восприимчивы к гипнотическому воздействию, чем другие. И даже у очень внушаемых людей грань между внушением и настоящей манипуляцией... очень размыта. Мы уже сталкивались со случаями синдрома восстановленной памяти, когда люди утверждали, что во время терапии им открылись подавленные травмы. Часто эти воспоминания впоследствии оказываются ложными, но травмы, которые они наносят, вполне реальны. Отвечая на ваш вопрос прямо: да, теоретически это возможно. Мог ли доктор использовать гипноз, чтобы дестабилизировать их? Подбросить внушения, которые привели к их нынешнему состоянию?

Он словно размышлял вслух, задавая вопросы и себе тоже.

— Сталкивались, только всё это было как-то... физически. Скорее материально. Я могу взять копию документов вашего пациента Ирвина? — спросила Елена.

— Если нужно, — не возражал тот.

— Спасибо, — ответила Елена. Мужчины пожали друг другу руки, и Елена с Марком вышли из кабинета.

Сделав копии и вернув бумаги, оба постарались быстрее покинуть это заведение. Всё время пути по коридорам Елена следовала за Марком. Он прекрасно ориентировался в этом здании, и она ощущала странный комфорт, следуя за его целеустремлённым шагом.

Выйдя на улицу, они остановились для того, чтобы обсудить следующие действия. Здесь, стоя на обочине, она ощущала успокаивающие ритмы городского движения.

— Вы пытались говорить с другим его знакомым? — спросила она у Марка, её голос звучал тихо на фоне городского шума.

— Да. Но было примерно то же самое, — Марк вздохнул.

— Он увиливал от ответов?

— Он просто избегал меня. Такое ощущение, что они все чего-то боятся.

— Чего? — спросила Елена, не сводя взгляда с его измождённого лица. Посещение больницы позволило получить копии документов, которые, возможно, им понадобятся, но правда оставалась неуловимой, окутанной страхом.

— Я не знаю, — ответил он.

Марк провёл рукой по своим и без того взъерошенным волосам.

— Нужно попытаться поговорить с ним. Вы ведь знаете, где он живёт? — спросила она.

— Да, можно попробовать, — сказал Марк и, посмотрев на неё, спросил: — Сейчас? — Он уже был готов к любому исходу: закрытой двери, невнятного отказу, может быть, даже к тому, что попросят уйти, захлопнув дверь перед носом. Но ради неё он попытается.

— Если у вас есть время? Я поеду за вами, — добавила она, и он не раздумывая согласился. Каждый пошёл к своим машинам.

Глава 4

Дорога до адреса была короткой, но им такой не показалась. Каждый красный свет, каждый пешеходный переход становились препятствием, небольшой задержкой перед их целью. Он наблюдал в зеркало заднего вида, как её фары следовали за ним.

Оказавшись у нужного дома, они припарковали свои машины рядом, вышли и поднялись по лестнице. Остановившись перед дверью, она подняла руку, на мгновение замешкалась, а затем постучала. Звук разнёсся по безмолвному коридору. После долгой тишины они уже собирались уйти, но услышали голос мужчины за дверью:

— Кто?

— Из полиции, — её голос был спокойным и профессиональным, хотя пульс участился. Рядом с ней молча стоял Марк. — Вы не могли бы открыть?

Дверь открылась с удивительной быстротой. В дверном проёме стоял мужчина, на его лице отражалась смесь удивления и страха. Он, увидев Марка, попытался её тут же закрыть.

— Прошу вас, — быстро сказала Елена, выставив ногу и не давая ей закрыться. — Мне нужно просто поговорить.

Мужчина замешкался и остановился.

— А он тоже из полиции? — спросил он с подозрением в голосе.

— Нет... Он мой помощник. Мы можем войти? — спросила она. Ей нужно было попасть внутрь. Чем ближе она будет к источнику, тем легче будет говорить.

— Нет, — резко ответил он.

Елена быстро обдумала свои действия. Ей не хотелось привлекать лишнего внимания и насторожить кого-то ещё.

— В таком случае, возможно, мы поговорим где-нибудь? — спросила она, сохраняя спокойный тон и надеясь склонить его к более нейтральной позиции. Взгляд мужчины прошёлся от Елены к Марку и обратно. Он видел перед собой не просто женщину, а женщину с молчаливой, напряженной поддержкой за спиной.

— Что вам нужно? — переспросил он, повысив голос. Не от агрессии, а от страха, который пытался скрыть за напускной враждебностью.

Елена сделала едва заметный шаг вперёд, чтобы сократить расстояние между ними.

— Я пришла по просьбе вашего друга Леона, — начала она, тщательно подбирая слова, намеренно произнося имя медленно, как пароль.

— Как он? — перебил её мужчина. В его голосе слышалось беспокойство, и Елене даже показалось, что у неё есть шанс.

— Не очень, — после паузы ответила она и тут же спросила в ответ: — А как вы?

Он снова ощетинился. Шанс был, но он ускользал.

— Нормально. А какое это имеет отношение ко мне? Что вам нужно? — нервно заговорил он.

С самого начала диалог вышел нескладно. Они с обеих сторон засыпали друг друга вопросами.

— А такое, что оба твоих друга загремели в психушку после посещения чудо-доктора, ты же знаешь, о ком я говорю, — вмешавшись в разговор, надавил Марк.

— Оставьте меня в покое! — почти закричал он, озираясь по сторонам.

— Как твои галлюцинации? — продолжал Марк.

— Кто вы? Не приходите сюда, какое вам дело до меня? Не лезьте в это!

— Мы хотим помочь, — успела проговорить Елена, как дверь захлопнулась у них перед носом.

Постояв секунду молча, оба непрошенных гостя направились к выходу из здания. Оказавшись во дворе дома, они остановились.

— Здесь неподалёку есть кафе, может, сделаем паузу? — спросил Марк, нарушив неловкую тишину.

— Да, нужно сделать паузу.

Перейдя улицу, они вошли в небольшое и уютное кафе, в котором было достаточно шумно. Откуда-то доносилась негромкая музыка, перебиваемая громкими разговорами посетителей. В воздухе витал вкусный запах еды и смешивался с запахом сигарет.

Вдоль стен стояли диваны со столиками. Они выбрали место и сели друг напротив друга. Кафе было переполнено. Парочки склонились над кружками, друзья смеялись над тарелками с сэндвичами, а одинокая фигура постукивала по ноутбуку, потерявшись в собственном мире. Люди сидели за столами, пили, ели, разговаривали и смеялись, и всё это дополняло лязганье посуды. Но вся эта шумная атмосфера нисколько не раздражала. Они едва знали друг друга, но Елене с самого начала с ним было легко. Как ей показалось, он был... сложной фигурой, внештатным исследователем со склонностью к необъяснимому и его тихое напряжение, которое одновременно интриговало и тревожило её. Судя по его поведению, его тоже ничего не напрягало. Насколько она могла это видеть.

Елена прислонилась спиной к мягкому дивану, наблюдая за Марком. Он казался невозмутимым, его взгляд блуждал по комнате, рассматривая происходящее с отстранённым любопытством. Ей было интересно, о чём он думает, что видит в людях, с которыми они говорили. Она понимала, что лёгкое дружеское общение с ним могло оказаться хрупкой вещью.

Сделав заказ, Елена заговорила:

— Ох, как не хочется об этом говорить, но всё это очень странно.

— Мне тоже так кажется, — ответил он, понимая, что дав оценку её сарказму и сделанному выводу.

— Вы ведь спец по этим делам, вас это не должно удивлять, — обратилась она к нему.

— Я не спец.

— Расскажите, я так и не поняла, чем вы занимаетесь?

— По образованию я психиатр. Но сейчас я работаю в комитете парапсихологии при институте. Мне предложили... мне стало интересно. К тому же большая часть таких историй возникает естественным путём. Даже если человеку хочется верить во что-то сверхъестественное. Я скорее здесь, чтобы это опровергнуть.

— Вы сменили профиль. И вы верите... во что-то такое? — спросила она.

Он откинулся на спинку дивана, обдумывая свой ответ.

— Не совсем. — Он сделал паузу, а затем продолжил: — Но я понимаю, что вы еще не послали меня только лишь потому, чтобы была возможность разгребать это нам с нашим общим знакомым, я прав? — спросил он.

— Почти, — спокойно ответила она, не вздрогнув.

Он держался удивительно сдержанно. На вопросы отвечал прямо и уверенно. На бледном лице почти не было эмоций. Кроме глаз, которые выдавали то ли грусть, то ли глубокую погруженность, но во что?

— Может... вы не голодны? — робко, но заботливо спросил Марк.

— Нет, — сразу ответила Елена, и он не стал настаивать.

— Вы не думаете, что с помощью нас он хочет написать статью-расследование и, возможно, прославиться? — спросила она.

— Думаю, он хотел, как и говорил сам. Ровно до того момента, как пострадал, — ответил Марк.

— Вы ему верите?

— Я познакомился с ним раньше, чем вы. Он сам вышел на меня через интернет. Его состояние было намного хуже.

— Значит, вы в курсе всего этого уже давно?

— Около двух месяцев.

— А что он видит, он вам рассказывал? — спросила Елена.

— Он не говорит, — торопливо ответил Марк.

— Вы спрашивали его об этом? — продолжала она. Её саму удивляло, насколько её интересовал именно этот вопрос. На самом деле, он интересовал её, возможно, больше, чем нужно. Она наблюдала, как будущий психиатр, пьёт свой чай, думая о своём, и не отрывала от него острого и умного взгляда, боясь, что он заметит её любопытство.

— Да, мы говорили об этом, — ответил он ей, отпив глоток из чашки и поставив её на стол. — Мне, как и вам, это было любопытно. Но не ему. Он не говорит об этом. Не знаю, в чём заключаются их страхи. Но думаю, что и в этом тоже.

Она задумалась. И вспомнила, что, пока они говорили, им принесли заказ. Пригубив из своей чашки, она продолжила, но уже с другой стороны.

— А потерпевших связывает что-то? Общая работа, увлечения? — спросила она, надеясь найти хоть какую-то ниточку, за которую можно было бы зацепиться.

— Почти ничего. Просто знакомые. Ни собутыльники, ни наркоманы, — ответил он сразу, чтобы она не утруждала себя этими вопросами.

Елена наклонилась вперёд, и аромат чая на мгновение перекрыл все остальные. Детали дела упорно оставались непрозрачными. Три, казалось бы, не связанных между собой человека, и у всех обостряется... паранойя. Никакого физического вреда, никаких улик, только ползучий, удушающий страх.

— Если они боятся, как вы думаете, чего? — спросила она, понизив голос.

— Не знаю. Мне и самому интересно, — ответил он. Его взгляд метнулся в сторону, а затем вернулся к ней с обезкураживающей интенсивностью. Этот вопрос грыз его, и Елена видела это по складкам вокруг глаз.

Ключ к разгадке головоломки, скорее всего, лежит в руках доктора, человека по имени Рон Вайнер. Вайнер знал всех трёх, он был той ниточкой, которая связывала их.

— И всё же, почему вы согласились? — спросил Марк, прервав ход её мыслей. Он внимательно наблюдал за ней, и в его взгляде читалось ожидание.

Елена задумалась и, выдохнув, ответила:

— Я, может, и недостаточно разбираюсь в людях, но всё же разбираюсь. И думаю, он не врёт о своём состоянии, — уточнила она, подняв бровь и указательный палец. — А во всём остальном я не понимаю...

Она замолчала, вспомнив рассказ Климова.

— Да, пора навестить доктора. Нужно было сразу это сделать. Но как с ним говорить об этом? — вслух размышляла она, перебирая варианты в голове. — И у меня всё как всегда... не как у всех.

Марку послышалась досада в её голосе, и он, улыбнувшись, спросил мягким и прощупывающим тоном:

— И это значит, плохо?

В пространстве между ними разворачивался безмолвный разговор. Елена чувствовала на себе пристальный взгляд Марка, не угрожающий, а напряжённый, почти клинический. Марк словно пытался расшифровать сложную головоломку её души.

Марк изучал её лицо, слабые морщинки вокруг глаз, едва заметное напряжение в челюсти. Он ещё не был практикующим врачом, психотерапевтом, но обладал редкой способностью к сопереживанию, способностью видеть не только поверхность. Он видел блеск, сверкающий

под её неуверенностью в себе, яростную независимость, которая боролась с уязвимостью. Он видел в «непохожести на других» источник силы, а не недостаток.

Елена, в свою очередь, изучала Марка. Она видела доброту в его глазах, искреннюю заботу, которую он излучал. Но в то же время она видела и некоторую отстранённость, практическую объективность, которая намекала на то, что он живёт, наблюдая, анализируя. Но её это не раздражало. Ей было интересно, какие секреты он скрывает под своей спокойной внешностью.

Казалось, они оба были вовлечены в молчаливый процесс взаимного изучения, каждый стремился понять другого и, возможно, при этом немного лучше понять себя. Елена чувствовала себя незащищённой и в то же время странно успокоенной интенсивностью его взгляда. В нём она увидела не осуждение, а искреннее желание наладить контакт, по-настоящему увидеть её. Но последнее уже настораживало.

— Это психоанализ? — ответила она вопросом на вопрос.

Они смотрели друг на друга, слегка улыбаясь. Каждый изучал другого. Каждый это делал по-своему.

— Нет, просто, когда у человека, по его мнению, всё не так, как у всех, ему это не нравится. И в то же время, когда всё как у всех, тоже не радуется.

Он отстранённо пояснил свой вопрос, и с этим трудно было не согласиться.

Их лица стали серьёзными. “Возможно, это и есть то, что отличает людей друг от друга. Та самая индивидуальность. Наверное, он это имел в виду”, — подумала Елена, но спрашивать его об этом не стала. Она уже не в том возрасте, чтобы беспокоиться из-за иногда посещающих мыслей, что не такая, как все. Ну, разве что иногда. Но, судя по его словам, она в этом совсем не одинока.

— Поручу это помощнику, завтра.

— И это правильно. Я не могу вам указывать, но, на всякий случай, не ходите туда сами.

— Почему? — с любопытством спросила она.

— На всякий случай, — растерянно ответил он, не найдя внятного ответа.

Её это, конечно, насторожило. “Нагнетают страху, но почему?” Снова неохотно, но она признавалась себе, что это чувство передавалось и ей. И вместе с ним всё больше росло любопытство, которое она всё так же тщательно пыталась скрыть.

Посидев ещё немного и поговорив по делу и не только, они не заметили, как перешли на «ты».

Выйдя из кафе, Марк проводил её к машине, и его молчаливое присутствие рядом было на удивление комфортным.

— Ну а после твоей проверки что обычно происходит? — спросил он, и в его голосе не было праздного любопытства.

— Я даже не знаю, — призналась она, даже не пытаясь делать вид, что знает. В любом похожем случае, которые она разбирала, она бы смогла ответить хотя бы приблизительно. Но здесь она не знала не только, что должно быть после проверки. Она даже не совсем понимала, как действовать. И тут она поймала его хоть и мимолётную, но растерянность. И это почему-то успокоило.

— Несколько его пациентов, из которых только один обвиняет доктора Вайнера. Такие дела рассматривались редко. У меня это впервые, — вслух рассуждала она. — Мне повезло, что рядом со мной человек той же профессии. Вы знаете доктора Вайнера?

— Ну... да, знаю. Я много слышал о нём, ещё на кафедре, — его ответ был неуверенным.

— Что слышали?

— Он практикующий врач-психотерапевт с опытом более двадцати девяти лет. Иногда читает лекции для студентов, практикующих специалистов.

— Среди пациентов недовольные были?

— Нет. Во всяком случае, я об этом не слышал, — сказав это, он выглядел искренне озадаченным, как будто сам удивлялся этому.

— В чём загвоздка? Я ведь в этом ничего не понимаю.

— Загвоздка в том, что врач с таким послушным списком работает в частной клинике и занимается... — он не стал продолжать и тут же поправил себя: — то есть, это, конечно, не проблема. Это то, как я это вижу, раз уж ты у меня спросила. Ну и главное — дело в самом Вайнере. Я думаю, ему самому нужно быть там... ему нужно время.

— И для чего? — не понимая, к чему он ведёт, спросила Елена. Её голос был тщательно выверен, чтобы скрыть растущее любопытство.

— Не знаю.

“Ну вот. А ведь она искала ответы. Она искала ясности, а получила лишь двусмысленность”, подумала она и продолжала настаивать, надеясь выжать из него ещё что-то.

— Деньги?

Марк, словно ожидая такого поворота, покачал головой, на его губах играла слабая улыбка.

— Он в них не нуждается.

— А как бы ты сам оценил ситуацию?

Он сделал паузу, и его глаза наконец встретились с её глазами. Усталость в них, казалось стала ещё глубже, превратившись в нечто похожее на сожаление.

— Я думаю, ещё не было достаточно времени, чтобы дать оценку его симптомам и проанализировать его эмоциональное состояние. Для того чтобы понять, что с ними происходит, нужно участие с обеих сторон. Строить догадки нет никакого смысла, особенно для пациента.

— Обе стороны? — повторила она, нащупывая слабое место в его тщательно выстроенном раскладе. — Вы имеете в виду доктора и пациента? Я по-прежнему думаю, что мне с этим делать нечего.

— Но вы ведь согласны, что проблема есть и её нужно решать?

У Елены осталось больше вопросов, чем ответов, она оказалась в лабиринте невысказанных опасений и туманных заявлений. Она понимала, что для разгадки этого лабиринта потребуется не просто клиническое наблюдение. Для этого придётся вникнуть в скрытые течения под поверхность, глубже изучить мотивы и тайны, витающие вокруг доктора Вайнера, загадочного пациента и усталого мужчины напротив неё, который, казалось, знал больше, чем хотел сказать. В таких обстоятельствах проще сказать, что никаких тайн нет, но... Что-то происходит. И вроде что-то нужно было решать.

— Да, но не мне, — ответила она уже вслух. — Я, конечно, сделаю то, что положено, и всё. Надеюсь, всё это быстро разрешится. Спасибо за помощь и за то, что уделил мне время.

— Да, спасибо и тебе, что не отказалась.

Напряжение, которое отразилось на их лицах, стало рассеиваться.

Они обменялись телефонами на всякий случай и, договорившись быть на связи, попрощались. Дверь машины она открыла сама, а он заботливо закрыл её за ней и пошёл к своей.

Она была рада, что может обратиться к понимающему человеку за советом, надеясь, что они смогут вместе прийти к этичному, но в то же время правильному решению о том, что лучше для этих сложных и одновременно простых случаев.

Глава 5

Остаток дня в офисе Елена сидела за столом, разложив медицинские бумаги, но вчитываясь в них, снова и снова переводила взгляд на экран монитора. И если в бумагах она не понимала почти ничего, её взгляд всё чаще падал на экран. Решив устроить себе обед, который купила по дороге, она заперла дверь. Из обычного любопытства набрав слово «гипноз» и начав читать какие-то происшествия и статьи, она совмещала это с приятным. Не успев дочитать одну статью, Елена переключалась на другую.

Она поглощала отрывки статей, пропуская сообщения о странных случаях, полузабытых теориях и сенсационных заявлениях. Она переходила от одной ссылки к другой, и обрывки знаний кружились вокруг неё, как листья под порывом ветра. Это было пассивное, почти бездумное времяпрепровождение. Время сливалось в бесконечный поток информации.

Затем она перешла на видео, с которыми поступала примерно так же. Информационный поток был просто ошеломляющим, но она всё равно продолжала его поглощать, отчаянно пытаясь заполнить пустоту понимания внутри себя. Потом, наконец закончив с обедом, и смахнув крошки в мусорное ведро, она встала и направилась в кабинет Макса. «Марк и Макс», — заметила она. Думать вместе интересней.

Елена остановилась перед его дверью, на её губах играла странная, еле уловимая улыбка. Она не была до конца уверена в том, что хочет сказать, и даже в том, чего надеется добиться. И хотя идея поделиться своими обрывочными мыслями, догадками о гипнозе казалась ей более продуктивной, чем работа с медицинскими документами в одиночку, она решила пока этого не делать.

Увидев её, он поинтересовался, как дело.

— Не смешно. Слушай, сможешь мне?

— Как? — спросил он.

— Есть идея. Ты бы не смог сходить к этому психологу в клинику, ну просто поговорить? Мягко обрисуй ситуацию, скажи, что, мол, один из его пациентов недоволен. Прощупай почву.

— Ну, в принципе, время есть.

— Да? Сделаешь?

— Нет проблем. Наверное, завтра с утра, — ответил он, подумав, что, в конце концов, ничего сложного в этом нет.

— Ну, тогда до завтра, — с этими словами она вышла из кабинета. Возможно, завтра всё и решится.

Утром, часов в одиннадцать, в приёмную, красиво украшенную цветами, вошёл Макс. Помещение было хорошо освещено. В середине комнаты стояла мягкая мебель со стеклянным столиком. Макс внимательно осмотрел приёмную и заметил, что помещение было украшено не только цветами, но и небольшими картинками на стенах. Они изображали прекрасные пейзажи и создавали атмосферу спокойствия и гармонии. В общем, всё было сделано со вкусом, в одной цветовой гамме, избегая той стерильности, которая ассоциировалась у него с медицинскими учреждениями. Здесь не было и намёка на больницу. Он огляделся по сторонам и заметил множество дверей, было понятно, что здесь принимает не один врач. Зацепив взглядом стойку, он подошёл к девушке, которая вела записи. Её волосы были убраны в аккуратный пучок, а на губах играла тёплая профессиональная улыбка.

— Простите? — начал он, чувствуя, как в животе затягивается узел тревоги.

— Да, — улыбаясь, отозвалась она. Он заметил, что у неё добрые глаза. Возможно, это будет не так сложно, как он предполагал.

— Мне нужно поговорить с доктором Вайнером.

— Вы записаны? — спросила она, её тон оставался вежливым.

Макс сглотнул, в горле внезапно пересохло.

— Нет, — ответил он.

— У нас принимают по записи. Через час вам подойдёт? Сейчас время вон того человека, — с этими словами она указала на мужчину, который сидел на диване.

Максу нужно было поговорить с доктором Вайнером сейчас, а не через час.

— Видите ли, я из полиции, у меня к нему разговор, может быть, можно это решить? Я не отниму у него много времени, — спросил он.

Его слова повисли в воздухе, гул ламп показался неожиданно громким. Секретарша наконец подняла глаза, и её отработанная улыбка на долю секунды дрогнула. Он увидел, как в её глазах мелькнуло что-то — страх? Знание? — но потом, это было умело замаскировано.

Она сделала вид, что обдумывает ситуацию, и постучала наманикюренным ногтем по столу. Он чувствовал тяжесть невидимого взгляда мужчины, сидящего на диване. Это будет сложнее, чем он предполагал.

Она сделала паузу и, тут же дежурно улыбнувшись, заговорила:

— Я сейчас предупрежу его. А вы пока располагайтесь, его всё равно пока нет в кабинете.

Сказав это, она принялась кому-то звонить. А Макс, пройдя дальше, сел рядом с женщиной на диван. Он притворился, что поглощён своим телефоном, но его чувства были в состоянии повышенной готовности. И всё-таки он учуял запах антисептика. Как же без него. Этот едва уловимый запах был не резким больничным, а скорее дорогим, смешанным с ароматом кожаной мебели и, кажется, озона от кондиционера. Мужчина на диване перелистнул страницу журнала с таким громким шелестом, что Макс вздрогнул. Он чувствовал себя чужим, нарушителем, чья нервозность была неуместным пятном на безупречной картине.

Примерно через десять минут по приёмной прошёл мужчина и вошёл в кабинет. Макс тут же вскочил с места, жестом спросил у уже знакомой девушки, он ли это. Получив утвердительный ответ в виде кивка, он направился вслед за ним. Постучал и сразу вошёл.

— Вы по записи? — спросил мужчина, взглянув на Макса лишь один раз, его голос был низким.

— Нет, — ответил он и подошёл к нему ближе, чтобы представиться и пожать руку. — Меня зовут Макс, я из полиции, — сказав это, он показал удостоверение, на которое доктор едва взглянул.

— Да, да. Меня предупредили. Располагайтесь, чем могу помочь? — спросил он, указав на кресло напротив, которое было, скорее всего, предназначено для пациентов.

Макс подкатил его ближе к столу и сел, осматриваясь по сторонам. Внутри не было ничего необычного. Видимо, как и должно быть, подумал он, никогда ранее не посещавший подобные заведения. На огромном, идеально чистом столе, были аккуратно разложены папки, и несколько книг. Никаких семейных фотографий, никаких личных безделушек; это место походило не на кабинет, а на тщательно подготовленную сцену. Он снова сосредоточился на докторе, который уже заканчивал быстрыми движениями наводить порядок на столе, сохраняя при этом невозмутимое спокойствие.

Спокойствие доктора было почти физически ощутимым. Он двигался плавно, без единого лишнего жеста, словно хирург, готовящий инструменты. Свет из окна падал на его руки, и Макс заметил дорогие часы с кожаным ремешком, которые лишь подчеркивали его статус. В этой тишине даже тиканье этих часов казалось оглушительным, отмеряя секунды неловкого ожидания.

И тут же Макс начал говорить:

— Дело в том, что к нам обратился один из ваших пациентов. Леон Климов, вы помните его? Наверное, уже бывший пациент. Хотя, наверное, нет, у вас, видимо, их много. Он недавно попал в психиатрическую клинику.

— Да, я его помню. Очень жаль, — с неподдельной тревогой в лице сказал он.

— Но знаете... он обвиняет в этом вас, — сказал Макс, внимательно посмотрев на него. Он наклонился вперёд, его глаза слегка сузились, изучая лицо доктора в поисках любого признака обмана.

— В чём именно? — спросил доктор, абсолютно невозмутимо и не отводя взгляда, что удивило Макса.

— Он обвиняет вас... В своём нынешнем состоянии... Он утверждает, что после ваших сеансов, он попал в больницу.

— Я не понимаю вас. — Выражение лица доктора оставалось спокойным и невозмутимым. Он встретил напряжённый взгляд мужчины, даже не дрогнув.

— Расскажите мне об этом пациенте. О Климове. От чего вы его лечили?

Доктор задумался.

— Он обратился ко мне за помощью в связи с беспокойством и бессонницей. Он боролся с этими проблемами в течение нескольких лет, и традиционные методы лечения были неэффективны. — Он смотрел на Макса внимательно, ожидая его реакции на эти слова. Но, не дождавшись её, закончил свою мысль: — Так он сказал мне.

— Он написал на вас заявление, в котором описал всё. Вы проводили с ним сеансы гипноза? — спросил Макс, сразу перейдя к делу.

— Да. Иногда я применяю гипноз в своей практике, — ответил доктор, его голос звучал ровно и контролируемо.

Макс откинулся в кресле, кожа скрипнула под его весом.

— До этого случая вам не предъявляли жалобы? — спросил он.

— Нет. И из полиции ко мне с обвинениями приходят в первый раз. — На его лице что-то изменилось. — Это серьёзное обвинение.

— Пока нет. Я здесь, чтобы выяснить. Пока мы ни в чём вас не обвиняем. У вас есть все необходимые документы, разрешения на подобную практику? — немного запутавшись в словах, спросил Макс, рассматривая висящие на стене сертификаты в рамках. Его удивляло то, как хладнокровно тот держится. И было непонятно, что скрывалось за его стоическим выражением лица.

— Я врач-психотерапевт. Разрешение какого рода я должен иметь?

Макс продолжал изучать его, пытаясь расшифровать стоическую манеру поведения мужчины. Это было тревожно. Большинство людей, находящихся в таком положении, вспотели бы, засуетились, проявили бы хоть какие-то признаки нервозности. Но Вайнер сидел спокойно и собранно, как будто обсуждал погоду.

— И что именно вы... раскрыли, доктор? — Макс смог подобрать только это слово.

Вайнер встретил его взгляд.

— Это конфиденциально. Привилегия «пациент-врач», я уверен, вам известна. Хотя могут ли эти сведения теперь считаться личными, после того как он обратился к вам?

На какое-то время наступила тишина.

— Значит, вы владеете разными видами гипноза? — продолжил Макс, заставляя себя поддерживать зрительный контакт с доктором — человеком, чей взгляд ощущался как физическое давление.

— Какой именно вид вас интересует? — выражение его лица было нечитаемым.

— А их несколько? — с почти детским любопытством спросил он, одновременно укоряя себя за это.

— Да. Их несколько, — с лёгкой, но недоброй улыбкой, ответил доктор, заметив его растерянность.

— А вы какими владеете? — непонятно зачем, даже для самого себя, спросил Макс.

— Всеми, — очень быстро отрезал доктор. — Иногда этим способом я снимаю у людей стресс, нервозность, она у вас сейчас на лице, — сказав это, он щёлкнул пальцами в воздухе, отчего Макс почему-то дёрнулся.

— Вот видите, не пробовали? — спросил доктор.

Первоначальная надежда Макса на быстрое и простое решение проблемы испарилась, сменившись осознанием: он имеет дело с чем-то гораздо более сложным и, возможно, потенциально опасным, чем мог себе представить.

— Я не поддаюсь гипнозу, — ответил Макс.

— Забавно, — сказал тот, улыбаясь. Но улыбка была похожа на оскал. — Если это всё, то прошу меня простить. Меня ждут пациенты.

— Да. Спасибо, что уделили мне время, — ответил Макс уже у двери и вышел из кабинета.

Вернувшись на работу, Макс направился прямо в кабинет Елены, чтобы рассказать о выполненной просьбе. Войдя туда и почувствовав, как у него пересохло во рту, он первым делом набрал стакан воды и выпил его залпом. И только после этого они поздоровались.

— И как он тебе? — спросила она.

Макс вздохнул, вспоминая встречу.

— Всё как обычно, мужик в костюме. Интеллигентный. Голос у него, знаешь, такой. Ну, наверное, так и должно быть. Я даже и поговорить-то не успел. Но ты же сказала прощупать почву. Я думаю, он уже что-то слышал про это. Не хотел говорить. Разговор у нас вышел недолгий.

— Это как? — спросила она.

— Ну а что я мог ему сказать? У нас ведь ничего нет. Я должен был действовать осторожно, чтобы он не почувствовал подвох. Что я мог ему сказать?

— У нас три его пациента.

— Но заявление подал только один. И дело твоё. Наверное, будет правильно и тебе навестись к нему, — допив остаток из стакана, он добавил иронично: — Да, так и хочется тебе сказать, только не смотри ему в глаза.

— Всё так серьёзно? — продолжила она таким же тоном и уже серьёзно спросила: — Думаешь, ничего не выйдет?

— Что мы можем сделать, — ответил Макс, качая головой. Сказав это, он подошёл ближе, взгляд его упал на стол, на котором лежало фото мужчины в белом халате.

— А это кто? — спросил он, в его голосе звучало недоверие.

— Доктор Рон Вайнер, — ответила Елена спокойным и профессиональным голосом, хотя в нём слышалась нотка беспокойства за коллегу.

— Это не он! — растерянно, возразил Макс. Краска покинула его лицо, оставив его почти прозрачным.

Тихий гул офиса резко контрастировал с бешеной энергией между Максом и Еленой. Лицо Макса было бледным.

— Как это не он? — удивлённо спросила Елена, нахмутив брови. Она переводила взгляд то на фото, то на Макса.

— Я говорил с ним, это не он. Перепроверь, — возмутился Макс. Он был уверен. Он провёл напряжённые тридцать минут, обсуждая сложные вопросы с человеком в кабинете. Этот человек... этот человек был совершенно незнаком. Или...

Она набрала что-то на клавиатуре и повернула экран к нему. На нём было точное название клиники, полное имя и фото человека. Но с экрана на него смотрело другое лицо.

Макс с открытым ртом опустил в кресло.

— Тогда с кем я говорил? — спросил он у самого себя, но вслух. Вопрос повис в воздухе, отягощённый растерянностью и зарождающимся чувством тревоги.

— Может, ты ошибся кабинетом? — неуверенно предположила Елена, её голос стал мягче.

— Я подошёл к секретарю, назвал его имя, мы представились друг другу. Ты что, мне не веришь? — обратился он к ней.

— Ну, здесь может быть только одно объяснение: они нас просто развели. А это уже само по себе нехорошо, — картина вырисовывалась странная, и потому последние слова она произнесла в таком же замешательстве, как и Макс. Елена продолжала молча наблюдать за ним. Это было непохоже на Макса. Обычно он был аналитиком, прагматиком. Видеть его таким взволнованным, таким неуверенным было ещё более... Непонятно... — Уверен?

— Нет, — ответил он быстро. — Я, возможно... запутался.

Елена слушала его молча, наблюдая. Возможно, и так. Но это выглядело действительно странно. Логическая часть её сознания понимала, что их могли обмануть... но зачем?

Всё бы ничего. Всё казалось прозрачным. Но зачем человеку, будучи обвиняемым, врать сотруднику полиции? Теперь уже Елене стало интересно. Человек рядом с ней, рассматривая фото, был растерян. Так же выглядел и человек, который обвинял этого доктора.

Оставшись одна в кабинете, Елена снова уткнулась в монитор компьютера. Незаметно для себя она стала всё больше погружаться в эту тему, всё больше узнавая о различных техниках гипноза. Если бы кто-то заглянул в её кабинет, то подумал бы, что она развлекается. На экране монитора одно видео сменялось другим, где люди заставляли других говорить и действовать в полусонном состоянии. Но Елену это не забавляло. Она увлечённо изучала техники, анализировала тон голоса, специфический язык и не могла поверить, что можно вот так обойти сознательное мышление и получить доступ к подсознанию. В конце концов, многое из того, что она увидела, могло оказаться постановкой.

Она сказала себе, что это исключительно ради расследования. Ей нужно было понять возможности, потенциал злоупотреблений, присущий подобной практике. Но по мере того, как она углублялась, пролистывая статьи и научные работы, в её груди зарождалось любопытство и даже странное... восхищение.

Можно взять, да и закончить для себя всю эту непонятную ситуацию. Только для себя. Но сама её странность не позволяла Елене это сделать. К нему просто так не подберёшься. Значит, нужно действовать по-другому, сменить тактику. Ещё немного подумав, она решила позвонить в клинику «Возрождение» и записаться на приём к доктору Вайнеру. Название интересное, учитывая её нынешнее положение. Вот так и бывает, когда чувством долга прикрывается любопытство. Но на самом деле всё было сложнее. Болезненное увлечение, желание понять, что к чему, питали её действия не меньше, чем искренняя забота. Учитывая, что удовольствие это стоит совсем недёшево. Но потенциальная выгода, по её мнению, оправдывала расходы. В конце концов, совсем не обязательно соглашаться на всё, можно просто поговорить. Появится возможность понять, кто из них прав.

Глава 6

Елена пришла в клинику на десять минут раньше назначенного времени. Простой поход к психологу. Казалось бы, давно пора. Но что-то внутри не давало покоя. Это даже не страх. Что-то ныло так глубоко, что не подкопаться. Сейчас главное — не выдать это и не испортить всё.

Она играла в опасную игру, вступая на территорию, где могла оказаться незащищённой, уязвимой. Трое сошедших с ума людей — это серьёзно. В какой-то момент ей захотелось встать и бежать. И в то же время любопытство распирало. В конце концов, нервничать должен он. Она пыталась сосредоточиться и заполнить лист, который ей выдали. В любом случае, обмануть можно кого-то, но обмануть себя не удастся. Она могла бы оказаться здесь официально, но очень ненадолго. Её раздумья прервала девушка из приёмной, сказав, что она может войти.

Войдя в кабинет, она увидела того же мужчину, что и на фото: высокий, хорошо сложенный, крепкий человек. Доктор стоял у кресла за столом, в тёмных брюках и светлой рубашке, засучивая правый рукав почти по локоть.

— Добрый день, садитесь в кресло, — тут же добавил он, указывая на большое, удобное кресло, стоявшее напротив него перед столом. Они сели почти одновременно.

Пробувнив приветствие, она опустила в него. Елена напряглась. Он знал, что она придёт. Но для неё это была необычная встреча. Это был расчётливый манёвр в игре, которую она не совсем понимала.

В кабинете не было ничего лишнего, все подчинялось строгой функциональности. Он освещался только двумя окнами, поэтому свет был неярок. Полумрак с сероватым оттенком как раз располагал ко сну. И стол между ними, на который она только что обратила внимание, из массивного дерева. Она думала увидеть удобную кушетку или диван для пациентов и точно не думала, что между ними будет стол, создающий барьер, почти как в кабинете следователя. Как в больнице. Не хватает только белого халата. И всё же кабинет не был похож на те, в которых ей приходилось бывать. Здесь не пахло медикаментами и не чувствовалось гнетущей атмосферы больничных стен. Скорее, он напоминал гостиную интеллигентного человека: книжные полки, уютные кресла, пара картин с ненавязчивыми пейзажами. За спиной доктора в углу комнаты стоял стеллаж, заставленный книгами — в основном по психологии. На столе у него тоже были сложены несколько объемистых книг, и аккуратные стопки каких-то бумаг, исписанных мелким убористым почерком.

Этот педантичный порядок одновременно и успокаивал, и настораживал. Он говорил о человеке, который контролирует не только своё пространство, но и всё, что в него попадает.

Открыв папку, видимо, с её данными, которые она наспех заполнила в приёмной, он взял карандаш. Свет от окна подсвечивал аккуратно уложенные волосы мужчины, склонившегося над её анкетой. Он выглядел моложе своих лет, чем она себе представляла. Статная фигура, широкие плечи, подчёркнутые белоснежной рубашкой, выдавали в нём человека, следящего за собой. В нём чувствовалась сдержанная сила, таившаяся под внешним спокойствием.

Она невольно залюбовалась его руками, как длинные пальцы с чёткими суставами перелистывали страницы. Он поднял голову, и она смущённо отвела взгляд. Даже не видя его лица полностью, она почувствовала на себе пристальный взгляд его светлых, внимательных глаз.

— Давайте сразу перейдём к делу, Елена, расскажите мне, что вас беспокоит? — с этими словами он склонился в её сторону и стал внимательно смотреть на неё. От этого у Елены пересохло во рту. Ей казалось, что он уже обо всём знает. И этот голос. Очень низкий и пронзительный. Как бы ни хотелось в этом признаваться даже себе, ей было страшно. Никто из её знакомых даже не догадывался, что она пойдёт на такое. Она и сама от себя не ожидала подобного. И что говорить? Как можно было прийти сюда совсем неподготовленной? Не то чтобы у

неё не было проблем. Совсем наоборот. И таких, как она, полно. Тишину в кабинете нарушало лишь едва слышное тиканье часов где-то в углу. Свет из окна был мягким, рассеянным. Всё в этой комнате — от запаха книг и кожи до спокойного, выжидательного взгляда доктора — было создано для того, чтобы успокаивать. Но эта умиротворяющая атмосфера лишь сильнее подчеркивала бурю, бушевавшую внутри неё. Мысли молниеносно переключались от одной к другой. Но она переборола страх, понимая, что тянуть так больше нельзя и говорить всё равно придётся. Она, взяв себя в руки, начала говорить медленно:

— Проблемы на работе. Я перестаю справляться... — начала она и остановилась.

— Вы говорили с кем-нибудь об этом? — продолжил доктор, видя, как трудно ей даётся беседа.

— Нет. У каждого свои проблемы. — Смотря в сторону и критично оценивая себя и то, что говорит, она старалась вспомнить, когда в последний раз по-дружески общалась с кем-то. Таких было очень мало. Она сама не пыталась казаться слишком общительной, объясняя это себе стремлением быть ненавязчивой в своих проявлениях. С навыками общения у неё было не очень. Среди них она смогла развить самый важный — умение задавать вопросы. Но не очень любила, когда их задавали ей самой. Ещё и смотря какие вопросы. Ещё одним важным навыком было умение сохранять спокойствие. Следовательно должен уметь сохранять спокойствие, принимая решения в сложных ситуациях. Для других это, казалось бы, просто. Возможно, и для неё тоже, не будь она в том качестве и той роли, которую сама выбрала.

— Семья, родственники. Личная жизнь.

— С родителями всё в порядке. В личном пока ничего, — коротко, как ей показалось, ответила она, если это вообще можно было считать ответом.

— Но это не проблема личного характера, — скорее он заключил про себя, чем спросил её, и отметил что-то в листе.

— Н... Нет, — ответила она. И вообще, правильно ли, что её это не заботит? Во всяком случае, не сейчас.

— Обычно, когда это так, человек говорит о проблеме личного одиночества, — добавил он, словно размышляя вслух.

— Бывает по-другому?

— Бывает много чего. Люди бывают разные. И когда они называют точные причины своего недуга, проблему бывает легче разрешить. Но вы, как я понимаю, ещё не знаете.

— Это плохо? — неуверенно спросила она у него.

— Это как есть, — не колеблясь, ответил он ей.

Он смотрел на неё пытливо, анализируя её слова, и какой-то азарт появился у него на лице.

— Редко какой человек доверится другому и станет рассказывать ему о самом сокровенном, даже доктору.

— Я да, мне сложно.

— Каждый по-своему приходит к пониманию природы человеческой сущности. Каждый из нас хочет быть принятым или понятым другими. Если вслушаться в ваши слова внимательно, то можно услышать инструкцию о том, как не нужно нравиться всем подряд.

Елена слегка прищурилась, пытаясь понять, о чём он говорит. Неужели он сделал ей комплимент, или ей всё-таки показалось?

— Само собой, важно быть во взаимодействии с окружающими, это неотъемлемая часть жизни. Но при всём при этом я вижу, что, хотя это вас немного беспокоит, вы пришли сюда совсем не поэтому.

Ещё одна волна страха прошла по ней, но, как ей показалось, она не показала это с виду. Мысли судорожно перебирали варианты продолжения диалога.

— Чем вы занимаетесь? — спросил он, глядя на лист.

— Что? — переспросила она, словно проснувшись.

— Стресс на работе, постоянное стремление быть идеальным, или, возможно, груз чужих проблем, — он перебирал варианты вслух, глядя на лист перед собой. — В какой сфере вы работаете? — спросил он, подняв глаза на неё.

— Я, — начала она, растерянно перебирая варианты в голове, — в какой-то степени тоже в сфере обслуживания, — она произносила каждое слово очень медленно. Елена смутилась, и, возможно, это отразилось на её лице, мысленно понимая, что всё пошло не так.

Возникла тишина, во время которой они внимательно смотрели друг на друга, изучая. Она совершенно не ожидала, что разговор будет таким. Может, всё так и должно быть. Елене казалось, что это происходит обычно не так. Она готовилась к милой беседе, где он будет тонко и деликатно пытаться прощупать её проблему, которую она так и не придумала. Ведь самое распространённое явление — это депрессия. Ей даже не нужно её изображать. Как ей казалось, она с ней уже давно. Но теперь Елена понимала Макса, который сбежал отсюда. Внутри смешался страх с надеждой, и она с трудом сдерживала дыхание. Либо доктор — сама искренность, либо он искусно скрывал истинные мысли и эмоции. Но сам был способен проникнуть в самую глубокую тайну своего пациента. Да и с чего ему быть с ней неискренним? Зачем ему это? Сомнения совершенно ни к чему. Когда она рассказывала ему о себе, она заметила очень важное, ценное качество в его лице. В нём не было осуждения. Возможно, это было обусловлено его профессионализмом, но, несомненно, это ценное качество для человека его профессии. Поёрзав в кресле, она, возможно, выдавала своё состояние. Ей не было неприятно быть здесь, её смущало, в каком качестве она находилась. В этом человеке чувствовалась глубина, он смотрел на неё так, словно видел насквозь. Наконец он нарушил молчание.

— Вы когда-нибудь обращались к специалисту? В прошлом были какие-либо нарушения?

— Нет. Это в первый раз. Я даже не знаю, как себя вести. Что говорить.

— Говорите как есть. Где, как не здесь, — словно приказал он.

— Нужно начать с начала? — она спросила очень медленно и растерянно.

— Меня не интересует прошлое. Не вижу никакого смысла копаться в том, что изменить нельзя, — сказал он, пристально глядя ей в глаза. — Что было — то прошло. Меня интересует — что сейчас. Ведь все чувства и представления от том, что с вами было, — здесь и сейчас. Так что вы мне расскажете? — спросил он, положив руки на стол и скрестив пальцы рук. Всё так же не отрывая глаз, он ждал ответа.

Елена на какое-то время перестала думать о том, что же ему рассказывать, чтобы это было правдоподобно. Он сломал все её стереотипы о том, как всё должно происходить, и она подумала, что он определённо работает не как все. Но, возможно, всё это ей просто казалось. И её напряжение вызвано вовсе не его поведением, а именно её положением в этой ситуации. В её представлении он не похож на обычного психолога. Ни сочувствия, ни участия, но внимательность, и его отстранённость были скорее интеллектуальным подходом, чем холодным. Личные вопросы — это те мысли, над которыми совершенно не хотелось размышлять, и тем более впускать туда кого-то. Но как знать, может, стоит попробовать, вдруг станет легче. Он будет слушать, что бы ему ни рассказали. И Елена стала говорить.

— Ничего не происходит. Хотя я не знаю, что должно происходить. Я ведь, кажется, даже не знаю, чего хочу. Всё не так, как раньше, — и она говорила правду, говорила долго. Разными словами, но об одном и том же. Она говорила долго, путано, перескакивая с темы на тему. Она говорила о том, что потеряла себя. Постепенно голос Елены стих. Воздух в комнате показался ей густым и тяжёлым. И, наконец, посмотрев на него, добавила: — Я даже не знаю, что со мной.

Он молчал, всё так же внимательно глядя на неё. В его глазах по-прежнему не было ни сочувствия, ни осуждения, лишь пристальное наблюдение. И это странное отсутствие эмоциональной реакции, вопреки её опасениям, внезапно успокоило её.

— Давайте посмотрим. Важно выявить причину. Вы должны быть откровенны не только со мной, но и с собой тоже. Найти причину можно, если вы доверитесь мне. — И, выждав паузу, спросил: — Вы не против гипноза?

Вот так всё просто. Дело за ней. Что делать? Ей показалось, что она уже находится под его влиянием.

— Это как... во сне? Нереально? — выдохнула она, чувствуя, как в её голове проносятся хаотичные образы. Воспоминания, страхи, сомнения смешивались в один неразборчивый клубок.

— Нереально А что для вас реальность? — его вопрос прозвучал мягко, но глубоко.

Елена уставилась на него, не понимая, что должна на это ответить.

— Ну... — начала она, уводя взгляд, но не получалось собраться с мыслями, ведь и так было очевидно, что это и есть реальность. Этот кабинет, этот человек, её смятение, её страх — всё это происходило здесь и сейчас.

— Как вы думаете, то, что происходит сейчас, — это реально? — он повторил вопрос, на этот раз немного настойчивее, словно подталкивая её к ответу.

Елена тут же посмотрела на него. Он по-прежнему смотрел на неё с таким любопытством, словно она была самым интригующим и загадочным созданием на свете, будто хотел запомнить её лицо.

— Может быть, сейчас вы уже находитесь в состоянии изменённого сознания?

Елена сильнее схватилась за поручни кресла. Она инстинктивно обвела быстрым взглядом комнату, почувствовав головокружение. Тошнота подступила к горлу. Её словно укачало, и она стала медленно и размеренно дышать.

— Но вы правы. Это реальность. Это не произойдёт без вашего согласия. Так что насчёт гипноза? — снова спросил он.

Она смотрела на него абсолютно растерянным взглядом, а в голове металась мысли. Зачем он это делает? Словно специально сбивает с толку. Ведь никто не согласится. Но его пронзительный взгляд и голос говорили о том, что он знает, как лучше. И Елена закивала головой в ответ, показывая тем самым своё согласие.

Однако в его поведении было что-то ещё, что-то, что держало её в плену. Он не предлагал и даже не просил. Он констатировал факт, предопределённый исход. Как будто он уже знал ответ, как будто обладал каким-то тайным знанием, которое делало её возражения бессмысленными.

Сердце Елены заколотилось. Речь шла не о понимании. Речь шла о контроле. Ситуация оказалась гораздо сложнее и опаснее, чем она могла себе представить. Она приподняла уголок завесы и не была уверена, что ей понравится то, что скрывается под ней. Но теперь пути назад не было. Она должна была играть в эту игру, даже если не знала её правил. Любопытство, замаскированное под долг, привело её на путь, с которого не так-то просто выбраться.

— Где бы вы хотели сейчас оказаться? — спросил он. — Возможно, есть такое место, где вы чувствуете себя хорошо или чувствовали? Может быть, у вас есть личное место силы? Не торопитесь, подумайте. Это важно. Найти своё место.

— А что, это можно выбирать? — спросила она, слегка улыбаясь. В ней заговорил следователь, вспоминая рассказы Климова.

— Посмотрим, — неоднозначно ответил он.

Елена задумалась. Она пыталась прекратить всё это, пыталась вытащить из памяти счастливые моменты. В голове всё путалось. При этом, борясь с собой, она повторяла себе, что здесь не для этого.

Она тяжело сглотнула, комок в горле мешал дышать. Разум кричал ей, чтобы она отказалась, бежала, вырвалась отсюда. Но её тело, парализованное странным чувством неизбежности, оставалось приковано к креслу.

— Так сразу не вспомнить. Но, возможно

— Что? — спросил он.

Тяжесть его взгляда, непоколебимая убеждённость в его голосе, тревожное предчувствие, что её судьба в его руках... всё это слилось в сокрушительное давление.

— Я бы хотела оказаться далеко от людей. Ненадолго. Когда я была маленькой, мы жили далеко от города. Я любила уходить подальше от домов. Погреться на солнце. Послушать тишину. Мне вдруг вспомнилось это сейчас. Возможно это место, похожее на лес, — сказала она, посмотрев на него.

Он смотрел на неё несколько секунд, а затем решительно сказал:

— Закройте глаза. Расслабьтесь. Слушайте мой голос.

Елена с закрытыми глазами слушала его сильный, уверенный голос, который проникал глубоко в подсознание. Он говорил о вещах, которые, как ей казалось, не относятся ни к ней, ни к происходящему в этой комнате. «О чём он говорит?» — Но так уверенно, что ей было всё равно. Постепенно она переставала ощущать своё тело. Она почувствовала, что начинает терять контроль над сознанием, словно погружаясь в другие миры.

Звуки окружающей комнаты становились всё тише и тише, пока её восприятие полностью не сконцентрировалось на голосе этого человека. Связь между ней и голосом становилась всё сильнее, словно невидимые нити тянули её всё глубже в мир его слов. Мелькали разные образы перед её глазами, но они были смутные и неясные, словно отдалённые воспоминания из её жизни, фантазии или всё же сны. Почему-то она вспомнила о маме, о близких и как редко общается с ними. Но при чём здесь вообще это?

Отвлекаясь на эти мысли, словно борясь с собой, она пыталась сосредоточиться, понять, что происходит, что для неё важно, но было всё сложнее и сложнее различать реальность от состояния, в которое она погружалась всё глубже. Она испытывала смешанные чувства страха и изумления, но в то же время не могла оторваться от этого магнетического голоса. Сомнения отступали, и она просто следовала за ним, словно он был единственной опорой в этом странном мире, который он создал. Она была полностью поглощена этим состоянием и голосом, который стал её проводником в неизвестность. Каждое его слово и то, как он говорил, внушали ей доверие. И в то же время голос отдалялся от неё.

А потом голос исчез.

И в полной темноте тишину нарушили звуки. Елена прислушалась. Звуки проявлялись всё отчётливее, приближаясь. И Елена поняла. Это вода. Она стала отчётливо различать запах мокрой земли, резкий и чистый в темноте. По ногам и рукам пробежал холод. Тело будто медленно просыпалось от глубокого сна. И только когда её кожа покрылась мурашками от сырости и холода, Елена открыла глаза.

Она сидела в том же кресле посреди деревьев и густо заросших кустов. Шёл дождь. Елена подняла голову и тут же опустила, ненадолго зажмурив глаза, когда несколько капель попали ей в лицо. Она не промокла полностью, потому что её заботливо прикрывали ветви деревьев. Под ногами от капель шипела и пузырилась вода. Он был настоящим. Дождь был настоящим.

«Что происходит? Как это может быть?» — размышляла она, озираясь медленно по сторонам. Она сделала глубокий вдох, и прохладный влажный воздух проник в ее легкие. Рассмотреть всё в деталях вдали мешал дождь. Похоже, был лёгкий туман. В разных направлениях от неё виднелись тропинки, но куда они вели? У одной такой тропинки, которая терялась во влажной зелени, был огромный разросшийся куст. Он напомнил ей что-то старое, знакомое. Если встать и отправиться туда, она наверняка узнает это место. Но что-то удерживало её. Хотелось съёжиться от холода, но руки и ноги её не слушались. Ей нужно было двигаться, нужно было найти хоть какой-то знак, хоть какую-то зацепку, которая могла бы подсказать, где она находится. Ну и пусть холодно. Как здесь прекрасно. Звуки дождя и безмолвие, которое можно слушать вечно. И она слушала. Радость перемешалась с грустью. Светлой грустью.

Утро, день или вечер? Совсем непонятно. Сколько времени прошло? Неважно. Вдыхая глубже воздух, её начала переполнять сильная, непонятная энергия. Но абсолютно спокойное дыхание не давало сорваться с места. Её тело словно проходило испытание статичности. Она чувствовала необычное напряжение, и безопасность, и какой-то всепоглощающий покой. Этот запах дождя и леса. Это место, где человек оказался случайно, но ничего не нарушил, а наоборот, гармонично слился с ним.

Но эту идиллию стал нарушать приближающийся, отдающийся эхом голос. «Нет. Я не хочу».

— Откройте глаза.

Елену будто вырвали из одной реальности в другую. Она вглядывалась в окна кабинета, потому что до сих пор слышала дождь, хотя на улице было солнечно. Её дыхание сбивалось.

— Вы были там? — спросил доктор, позволив ей немного прийти в себя.

Она уставилась на него, но не могла сказать ни слова.

— Да, — ответил он за неё.

— Вы замёрзли. Почему? — спросил он, заметив, что она дрожит.

— Там был дождь, — хриплым голосом сказала она и не смогла сдержать слёзы.

— Да. Нам нужно зажечь там свет, — сказал он.

И она разрыдалась как ребёнок, прикрывая рот руками. Она не могла остановиться, будто потоки, наполнившие её, выливались из глаз, забирая с собой всё лишнее и ненужное, оставляя лёгкость.

— Ничего, — продолжал он, — скоро станет легче.

Через несколько минут она смогла взять себя в руки.

— Простите, — вытирая слёзы, удивлённо начала она. — Я не знаю, как это произошло...

— Наше время вышло, — сказал он, прерывая её. — Возможно, до следующей встречи.

Она посмотрела на настенные часы. Удивительно. Времени и вправду прошло очень много.

— Да. Мне нужно идти.

Она встала и направилась к выходу. Без объяснений и вопросов. Прислушиваясь, но уже не слыша дождь.

Глава 7

Выйдя из здания клиники, она уже в машине надела солнцезащитные очки, понимая, что у неё наверняка красное и опухшее лицо. Как она позволила себе, словно маленький ребёнок, расплакаться перед едва знакомым человеком? Она так давно не позволяла себе подобное. Очки стали для неё щитом. Машину она вела рассеянно, двигаясь по знакомым улицам, мысленно прокручивая случившееся в кабинете. Мир за лобовым стеклом казался чужим и слишком ярким. Привычные звуки города — гул машин, далёкие сирены, смех прохожих — доносились словно из-за толстого стекла, приглушённо и нереально. Каждый солнечный блик на капотах соседних машин резал глаза. Это была та же улица, тот же город, но что-то неуловимо изменилось. Или изменилась она сама.

Прибыв на работу, она отсидела вторую половину дня как в тумане, стараясь не думать об этом. «Как маленький ребёнок», — снова прошептала она и почувствовала укол, но тут же отмела его в сторону. Работа постепенно превращалась в размытое пятно. Она пыталась безупречно выполнять свои обязанности, но разум был в беспорядке от разных эмоций.

Уже дома, она сидела на краю кровати, уставившись на пустые стены своего дома. Как и раньше, после очередных взлётов и падений, она всё же цеплялась за надежду и знала, что всё наладится. Но теперь всё было по-другому.

Тишина в доме больше не была спасительной. Она давила, наполненная отголосками его голоса и запахом дождя, которого не было. Елена подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Огни ночного города внизу казались далёкими и нереальными, как и её собственная жизнь до этого дня.

Лёжа в кровати с закрытыми глазами, в комнату, куда слегка падал свет ночного неба, она представляла себя в этом незнакомом, таинственном и в то же время таком родном месте.

На следующий день, в своём кабинете, она не знала, что и думать о произошедшем. Потому что случившееся не укладывалось у неё в голову. В прошлую ночь, уснув словно ребёнок, она забыла, когда так чувствовала себя в последний раз. Самое удивительное, что критическое мышление в тот момент не работало. Почему она даже не задалась вопросом, как туда попала? А если начать задавать вопросы себе: «Что это было?», то можно сойти с ума. Но объяснение искать нужно.

Сев за монитор, она стала вбивать запросы в поисковик. Всё, что связано со словами «транс», «гипноз». Вообще, возможно ли такое? Проведя у монитора не один час, она узнала и увидела многое. Но ни один из случаев не подходил к тому, что испытала на себе она. Неужели существует то, что выходит за рамки человеческого сознания? То, что невозможно описать и объяснить, но можно почувствовать? Там, в кабинете, он смотрел ей прямо в глаза и понимал, что она испытала нечто. Кто он такой? Она содрогнулась, вспомнив стерильные стены, чистый стол и его.

Воспоминание о его взгляде вызвало у неё новую волну беспокойства. Она почувствовала разрыв связи, ощущение парения, как будто её разум отделился от тела. Её мысли, обычно представлявшие собой хаотичный беспорядок, стали пугающе сфокусированными, лазерно-острыми на его вопросах. Она отвечала на них не потому, что хотела, а потому что... потому что должна была.

В найденных ею статьях говорилось о скрытом потенциале человеческого разума, о неиспользованных запасах психической энергии. Но это были теоретические, абстрактные рассуждения. То, что она испытала, было наглядным, пугающе конкретным.

Поток её мыслей прервал телефонный звонок. От которого она немного вздрогнула.

— Да, я слушаю.

— Я не помешал? — прозвучал голос Марка.

— Нет, говори.

— Есть время, нужно встретиться? — тревожно спросил он.

Елена посмотрела на часы, времени прошло немало. Она была настолько поглощена поисками, что даже не заметила, как пролетели часы. Макс, похоже, уважал её график, дорожил её пространством. Что-то определённо было не так.

— Да, что-то случилось?

— Ничего особенного, расскажу при встрече.

Договорившись о встрече в кафе рядом с её работой, она тут же отправилась туда. Когда она добралась до места и вошла, кафе гудело от шума, разговоров и звона посуды. Он уже ждал её за чашкой кофе. Она подошла незаметно, пока он смотрел безразлично в окно. Вблизи он выглядел ещё более обеспокоенным. Его обычно яркие глаза были затенены, челюсть сжата.

— Что случилось? — присев, спросила она.

— Привет, что-нибудь заказать тебе? — спросил он напряжённым голосом, вежливо, почти роботизировано.

— Нет, спасибо. Можно кофе. Зачем мы здесь? — ответила она, едва скрывая своё нетерпение.

Он, налив ей кофе, достал из кармана куртки мобильный телефон, поколдовал над ним, протянул ей со словами:

— Прочти. — И снова уставился в окно.

Она взяла его и принялась читать.

— Что это, роман? — спросила она, прервавшись спустя пару минут, и протянула его обратно.

Он выключил телефон, убрал обратно в куртку и ответил:

— Это написал Леон. Может, решил стать романистом. Вчера вечером мне позвонила его сестра, я понял, что она плачет и напугана. Она сказала мне, что он сидит в кресле и смотрит в стену и ни на что не реагирует. Я приехал быстро, насколько смог. Я могу понять эту женщину, потому что то, что я увидел, — это ненормально. Он сидел в кресле с открытыми глазами, уставившись в одну точку. Я позвал его по имени. Но он не слышал меня. Он не спал. Он будто что-то видел. — Марк замолчал и провёл рукой по лицу, словно пытаюсь стереть увиденную картину. Его пальцы слегка дрожали. — Представь себе, — продолжил он тише, — глаза у него были... пустые. Как у куклы. Ни страха, ни боли, ничего. Просто оболочка. Я никогда такого не видел, даже в самых тяжёлых случаях в клинике. Его сестра сказала, что перед этим он работал, что-то печатал. На столе действительно стоял открытый ноутбук. Я заглянул в него, там ничего необычного. Какие-то тексты, данные, а потом вот эти слова, — и после паузы добавил: — Ему стало хуже.

— А как у тебя дела, кто-то из ваших уже навестил его? — спросил он после своего рассказа.

Елена пошевелилась, поплотнее сжав руки на столе. Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и невысказанный.

— Да, — ответила она, отводя взгляд.

— И что, как он отреагировал?

— Ничего необычного, — Елена сглотнула, словно говорила неправду, но это не было ложью.

— Нам нужно торопиться, — сказал он твёрдым голосом, в котором звучала настоятельная необходимость. Возможно, он и прав, и у кого-то из них время поджимало.

— Слушай, — прервала она его, — может быть, это ошибка? Почему ты так уверен, что виноват именно он?

— У нас трое с одинаковыми историями.

— Историю рассказывает только один человек. Зачем ему это нужно?

Он сделал паузу, его глаза остановились на ней. Он изучал её лицо, в котором бурлили надежды и сомнения. После долгого молчания он спросил:

— Ты была у него?

— Да, — так же уверенно ответила она ему.

Он наклонился вперёд, его голос стал низким, в нём звучала настоятельная необходимость, которую он не мог сдержать.

— В качестве кого?

Она заколебалась, всего на долю секунды, но он уловил это.

— В качестве пациента. Как я могла поверить, если не понимаю, о чём они говорят?

— Ты что-то видела? — он прервал её, опёршись руками о стол, и пристально посмотрел на неё, буравя взглядом. Он знал, что её колебания выдают нечто большее.

Её молчание было ответом. Последовавшее за этим молчание было тяжелее, громче любого обвинения. Оно повисло в воздухе, густое и удушливое, как подтверждение страха, который грыз его с момента появления первой истории. Она что-то видела. Что-то, что не могла или не хотела сформулировать. И это молчание, эта невысказанная истина закрепили его убеждённость крепче, чем любые слова. Погоня продолжалась.

Он отстранился от неё, откинувшись на сиденье дивана.

— Зачем? — с досадой спросил он.

— Что ты знаешь об этом? Кто он такой?

— Я не знаю. Я пытаюсь это понять, но я не знаю. Зато я знаю, что есть люди, которые пострадали от его действий. Они боятся спать, боятся выйти из дома. Один из них попросил нас о помощи. Я попросил о помощи. Ты взялась за это дело, нужно довести его до конца. Но ты сама идёшь прямо в капкан. Я просто не могу в это поверить, — последнюю фразу он произнёс не с досадой, а с невероятным удивлением в лице и голосе, которое он даже не скрывал.

— У нас в руках есть медицинские документы. И они не доказывают того, что его состояние является результатом действий психотерапевта, а скорее имеет другое происхождение.

— Не все люди одинаковы, — отведя взгляд, сказала она. — Он... — посмотрев на него снова, она пыталась что-то поведать, но не смогла. Он, в свою очередь, не стал на этом настаивать. — Нужно быть осторожными. Я не уверена, что не нарушаю его личное пространство. А люди по-разному относятся к такому. В ходе нашего расследования психотерапевт сам выглядит жертвой обвинения. Нам нужно действовать грамотно, тогда есть вероятность, — и она умолкла, чтобы не сказать «почти никакой», — какого-то решения по этому делу.

Но ведь это же объективно, то, что они начали, должно как-то закончиться. И на лице Марка не было ни раздражения, ни злости. Она мало верила словам, она наблюдала за реакцией. Нормальное расследование, шаг за шагом, должно приближать следователя к разгадке тайны.

Она смотрела на самого Марка. Его поза была расслабленной, почти обманчивой. Выражение его лица было... тревожно-нейтральным. Никакой нервной суетливости, никакой защитной крикливости. Только напряжённое спокойствие.

На лице Марка не было ни раздражения, ни гнева. Именно это беспокоило её больше всего. Она мало доверяла словам; она наблюдала за реакцией. Микровыражения, непроизвольное напряжение мышц, лёгкое расширение зрачков. А Марк не давал ей ничего.

— Я выполняю свою работу. И как раз пытаюсь в этом разобраться. Я, наверное, пойду, увидимся, — сказав это, она резко поднялась, схватила сумку, и направилась к выходу. Он молча смотрел ей вслед.

В тишине комнаты в кресле сидел мужчина, безупречно одетый в угольно-серый костюм. Он полулежал, облокотившись на край кресла, подперев подбородок рукой. Перед ним на столе стояло блюдце и чашка с чаем, по которой он время от времени постукивал чайной ложкой, словно от скуки, и звонкий металлический звук дополнял гнетущую тишину. Он внимательно

смотрел, как напротив него, поднявшись с кресла, водит рукой по воздуху женщина с закрытыми глазами.

Он наблюдал за ней, на его лице отражалась смесь скептицизма и надежды. Он видел, как это делали раньше, бесчисленное количество раз. Каждый раз он цеплялся за возможность того, что в этот раз что-то произойдёт.

Глава 8

В этот раз, подняв голову вверх, её ослепили лучики света, которые пробивались сквозь облака. Она зажмурила глаза и опустила голову. Звуки журчания воды переплетались с пением птиц. Было ещё сыро, но уже теплее. Запах леса, как после дождя. Аромат природы, обновлённой и чистой, наполнял её лёгкие с каждым вдохом. Что-то мелкое пролетело мимо неё, и она хотела прикоснуться, чтобы в очередной раз убедиться, реально ли всё это. Было ли всё это сном? Тщательно созданная иллюзия? Она посмотрела в сторону так знакомых ей заросших кустами тропинок. Одна из них уводила за угол. Она посмотрела на свои ноги. Всего лишь шаг, следом другой. Посмотреть бы, что там? Следом за мыслями взгляд отправился туда, только ноги не слушались. Чтобы удовлетворить своё любопытство и увидеть, что ждёт её за этим невидимым порогом, нужно совсем немного. Но ноги упрямо стояли на месте, не желая подчиняться безмолвному приказу разума. Время от времени, то ближе, то дальше, она слышала звуки. Они напоминали ей что-то. «Как будто звенит колокольчик», — подумала она. Но откуда он может быть?

Прислушиваясь и разглядывая всё вокруг, Елена повернула голову вправо и снова на желанную тропинку. Она увидела женщину, стоящую там. На краю этой призрачной тропы, купаясь в её неземном сиянии, стояла фигура, окутанная тенью. Елена не могла различить деталей — только смутные очертания, намёк на лицо и тревожную неподвижность. От женщины исходила аура меланхолии, настолько сильной, что она словно физическим грузом давила на грудь Елены.

Фигура не двигалась, но Елена чувствовала её взгляд, хотя и не видела глаз. Казалось, сама природа вокруг замерла: птицы умолкли, а шелест дождя стал глуше.

Шок, вызванный этим явлением, внезапный ледяной ужас охватил её, и от неожиданности и страха она инстинктивно дёрнулась от фигуры и упала в кресло, но уже в кабинете. Знакомое ощущение потёртой кожи не принесло облегчения. На лбу выступили бисеринки пота. Её дыхание сбивалось, и оглядываясь по сторонам, она спросила:

— Что это? — задыхаясь, прошептала она.

Доктор, молча наблюдавший за ней, внезапно выпрямился. Он наклонился вперёд, и на его обычно спокойном лице появилось почти нервное выражение.

— Такое бывает, — ответил доктор, опёршись руками о стол, и тут же задал вопрос, который, казалось, зажёл в нём искру, сменившую профессиональную озабоченность на жгучий, почти лихорадочный интерес:

— А что вы видели? — и по его лицу было видно, что ему действительно интересно. Даже больше. Ему хотелось узнать это как никому другому.

Его глаза, обычно холодные, аналитические, теперь были полны тёмного предвкушения. Он следил за каждым её словом, и малейшее проявление эмоций на её лице отражалось на его собственном. Его обуревало не просто любопытство, а отчаянная, почти навязчивая жажда знаний. Казалось, он ждал этого момента, ждал её, чтобы узнать, чему она стала свидетелем.

— Вам интересно. Чем вы здесь занимаетесь? — не скрывая подозрения, спросила она, слегка успокоившись.

— В смысле? — переспросил доктор, его голос был ровным, отработанным.

— Вы сказали, что это гипноз. Но это не так.

— А по-вашему, что это?

— Кто вы такой? — в оцепенении, не отводя взгляд, спросила она.

Он сделал паузу, тишина натянулась. Затем, подражая её прежней тактике, он отклонился назад.

— А кто вы? — переспросил он, и после паузы почувствовал что-то неладное. По его позвоночнику поползли мурашки. Что-то было не так. Ужасно неправильно.

— Я из полиции. На вас подана жалоба. Вас обвиняет ваш пациент.

— Я это уже слышал. Зачем нужен был весь этот цирк? — со злобой в голосе спросил доктор.

Он сделал шаг вперёд, его глаза сузились, пытаясь расшифровать тревожную пустоту внутри неё.

— Что вы сделали со мной?.. Что вы сделали с ними?.. Как вы свели их с ума? — не обращая внимания, она продолжала задавать вопросы невпопад.

Мужчина, на лице которого появилось выражение искренней озабоченности, вздохнул.

— Я пытался им помочь, но они не дали мне это сделать. Никто не сводил их с ума.

— Не пытайтесь меня запугать, — проговорила она с прерывистым дыханием.

— Зачем мне это? — ответил он. И, посмотрев на неё внимательно, спросил: — Вам плохо?

Широко открывая рот, чтобы вдохнуть побольше воздуха, она с трудом переводила дыхание. В голове появился какой-то шум. Она видела, как он встал, его движения были медленными и обдуманно, и, сняв трубку с телефона на столе, стал говорить. Но что, она не слышала. Лишь невнятный гул. В комнату вбежала женщина в белом халате со стаканом в руках. И они оба подошли к ней. От страха Елена выставила руку перед собой, защищаясь, чтобы к ней никто не приближался.

Стены кабинета, казалось, начали сжиматься. Звук его голоса доносился словно из-под воды, искажённый и далёкий. Она чувствовала, как холодный пот стекает по спине, а сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Реальность трещала по швам, и единственной константой в этом хаосе было его спокойное лицо.

— Что вы хотите сделать? — с яростью в голосе спросила она.

— Это успокоительное. Выпейте, вам станет легче, — сказал он, указывая рукой на стакан. Его тон был успокаивающим, почти гипнотическим.

— Ничего я пить не стану! — почти выкрикнула она.

Доктор кивком указал женщине, что она может уйти. И она, спокойно развернувшись, вышла, оставив Елену наедине с доктором.

— Что вы со мной сделали? — почти прошипела Елена, когда они остались одни.

— Ничего, — так же невозмутимо ответил он ровным и непреклонным голосом.

Постояв немного рядом с ней, он приблизился и положил на удивление прохладные и нежные пальцы на её ладонь, проверяя пульс. Взглянув на наручные часы, он спросил:

— Шум утих? Вам стало легче? Всё правильно, дышите глубже. Как я уже говорил, в этой комнате вам ничего не угрожает, — сказал он успокаивающим голосом.

Острый и непонятный приступ постепенно прекратился. Она сосредоточилась на своём дыхании, заставляя себя глубоко вдыхать и медленно выдыхать. Прикосновение доктора, хотя и тревожное, казалось, привязывало её к реальности. Доктор отпустил её запястье.

Он повернулся и подошёл к окну, глядя на ухоженную территорию клиники. Молчание тянулось, густое и тяжёлое. Наконец он снова повернулся к ней. По его напряжённому лицу было видно, что он рассуждает над чем-то, прежде чем заговорить вслух.

— Следовательно, ведущий дело, сам является пациентом. Это обстоятельство может влиять на его объективность, — сказал он, размышляя, отчего у Елены перехватило дыхание. — Иногда это приводит к необдуманным решениям.

— Я не ваш пациент.

— Правда? А в записях в регистратуре написано совершенно другое. Здесь ваше имя, — сказал он, показав на лист на столе, — если, конечно, это ваше имя.

Она слушала его, открыв рот. Доктор продолжал, его голос был мягким, почти успокаивающим, но в нём слышались стальные нотки.

— И заметьте, я ведь не стал настаивать на вашей медицинской карте. Эта запись не украсила бы ваш послужной список.

— Вы мне угрожаете?

— Я даю вам совет. Мне нет нужды угрожать вам. — Он сделал паузу, давая своим словам осмыслиться.

— Вы что-то сделали со мной — начала она, но он перебил её:

— Вы знаете, что это не так. Только что у вас случился небольшой приступ, к тому же вы не дали мне помочь вам.

— Мне нужно идти, — будто спрашивая у него разрешения, тихо сказала она. Ей казалось, что какая-то сила удерживает её в этом кресле.

Он посмотрел на неё внимательно. Затем обвёл взглядом с головы до ног и удивлённо ответил:

— Идите. Вас никто не держит.

Она пыталась понять, что он хотел ей сказать, и понимала, что он не собирается ни в чём сознаваться. После небольшой паузы Елена взяла себя в руки.

— Если к нам обратится кто-то ещё, вам придётся отвечать, — сказав это, она встала и направилась к выходу.

— Удачи, — бросил он ей вслед.

Глава 9

Когда она вышла из клиники, у неё всё ещё кружилась голова. На самом деле, вряд ли он угрожал ей, но если начальство узнает об этом, то ему это не понравится. А доктор почти не удивился. Но все эти рассуждения перекрывала картина того, что она видела. И хотя их последний разговор подействовал отрезвляюще, он не мог перекрыть этих эмоций. Вся логика, весь страх, вся рационализация меркли по сравнению с образами в её сознании. Солнечный свет ударил по глазам, заставив её зажмуриться. Городской шум, который она не замечала внутри, теперь обрушился на неё гулом машин и обрывками чужих разговоров.

Она не могла избавиться от чувства неловкости. Хотя она прошла второй сеанс гипноза, ей уже казалось, что он не был похож ни на один другой сеанс терапии. Доктор, который был сертифицирован, как ей казалось, был далёк от обычного. Его методы были нетрадиционны, и она не могла избавиться от чувства замешательства. Всё в сеансе казалось не просто не так. Сам доктор не соответствовал образу типичного психотерапевта, хотя он им являлся. Она не знала, что думать, куда идти. Логика бессильна объяснить то, что она только что пережила. Она еще не могла проанализировать свои эмоции, она просто находилась в состоянии оцепенения. Ее профессиональная броня была пробита, теперь она просто растерянный напуганный человек, стоящий посреди улицы. Он просто символ стабильности и спокойствия. Дело перестало быть чужим, оно стало ее собственным. Пока она раздумывала об этом, к ней подошёл мужчина. На вид ему было чуть за пятьдесят. Он был одет опрятно, и в его глазах читалась неподдельная забота. Костюм тёмно-синего цвета безупречно сидел на нём. Его осанка была прямой, но не напряженной, а в уголке глаза собрались мелкие морщинки, говорившие о привычке улыбаться.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросил он мягким, но уверенным голосом.

Она вздрогнула, посмотрев на него с недоверием, обдумывая его вопрос.

— Нет... всё в порядке, спасибо. Я как раз закончила сеанс терапии и всё ещё перевариваю то, что произошло, — неожиданно для себя подробно ответила она, внимательно изучая выражение его лица и язык тела, пытаясь оценить его намерения. Мужчина кивнул, кажется, понимая её ситуацию.

— Понятно ну что же, надеюсь, вам скоро станет лучше.

Затем она спросила:

— Вы тоже пациент этой клиники?

Его глаза слегка сморщились в уголках, и он мягко улыбнулся, ответив:

— Да. Я прихожу сюда уже несколько лет.

Ответ мужчины вызвал у неё интерес. Пациент со стажем мог бы дать ей столь необходимый ответ.

— О, правда? Кто ваш доктор? Я здесь недавно, — она надеялась, что ответ мужчины даст ей некоторое представление о клинике и её персонале. Он слегка улыбнулся и сказал:

— Доктор Красин. Он отличный терапевт, понимающий и терпеливый. — Лицо мужчины посветлело, когда он говорил о своём докторе. — Я встречаюсь с ним уже несколько лет, и он действительно помог мне пережить трудные времена.

— Трудные времена? — тихо повторила она, не желая выпытывать, но искренне любопытствуя.

— Вы знаете о докторе Вайнере? Я его пациентка, и мне интересно, слышали ли вы когда-нибудь о нём? — Ей было интересно узнать, был ли у этого человека опыт общения с ним.

Мужчина, имя которого она так и не удосужилась узнать, слегка нахмурил брови, его взгляд был прикован к ней глазами.

— Я понимаю, что вы чувствуете, — наконец произнёс он, его голос был низким и наполненным тяжестью, которую она не могла расшифровать.

Она слегка наклонила голову, пытаясь оценить намерения мужчины. Казалось, что он хотел сказать что-то важное, но она не могла быть в этом уверена.

— Я слушаю, — осторожно, как и он, сказала она. — Вы хотите рассказать мне что-то? Он глубоко вздохнул, его глаза бежали улицу, а затем снова остановились на ней.

— Это немного сложно, — признался он, затем сделал паузу, собираясь с мыслями. — Я ходил к доктору Вайнеру по поводу... ну, в общем, неважно, по какому поводу. Важно то, что... я перестал с ним встречаться.

Она внимательно слушала, как мужчина вкратце рассказал ей о своём решении обратиться за помощью к другому специалисту. Но основные детали были намеренно расплывчатыми, словно он боялся произнести их вслух. Он упомянул растущее чувство тревоги, ощущение, что им тонко манипулируют, несоответствие между тем, что говорил доктор Вайнер, и тем, что он чувствовал нутром. Он рассказал о том, что хотел получить второе мнение, и нашёл нового психотерапевта, который подтвердил его опасения и мягко подвёл его к признанию вреда, который доктор Вайнер, возможно, неосознанно, причинил ему.

— Я понимаю, — сказала она, кивая головой. — Почему?

— Не то чтобы мне не нравился доктор Вайнер, — объяснил он, — просто я чувствовал, что мне нужен кто-то другой, кто был бы сосредоточен на моих конкретных потребностях.

— А он, значит, не был? — спросила она с вызовом, подняв бровь. Разговор по-прежнему был скользким, ей хотелось услышать более конкретные ответы. На мгновение она замерла, думая, о чём бы ещё спросить.

— Я знаю о его методах, — сказала она, пытаясь ускорить разговор. — А как насчёт вас? Не могли бы вы рассказать о своём опыте... общения с ним? — Она хотела услышать больше о его точке зрения.

Мужчина, кажется, чувствовал её любопытство и нерешительность, но, похоже, его это не смущало. Он спокойно смотрел на неё, и выражение его лица казалось открытым и честным.

— Я просто хочу убедиться, что принимаю правильное решение, посещая доктора, — продолжила она.

Он, кажется, некоторое мгновение обдумывал её слова, прежде чем ответить, а тишина затаилась. Елена ждала каких-нибудь историй, затаив дыхание.

— Я понимаю ваше беспокойство, — сказал он, — но я думаю, было бы лучше, если бы мы продолжили этот разговор в более приватной обстановке. Есть некоторые вещи, которыми я смог бы поделиться с вами, но мне неудобно обсуждать их здесь. — Сказав это, он сделал шаг вперёд, и она инстинктивно отступила, не зная, чего ожидать, хотя он не вызывал в ней тревогу. Ее инстинкт следователя на мгновение взял верх, оценивая возможную угрозу. Но что-то в его спокойной манере и отсутствии какой-либо агрессии заставило ее остаться на месте.

— Я согласна, — сказала она, быстро приняв решение, ещё раз машинально просканировав его взглядом. Ни его поведение, ни его внешний вид не вызывали никакого подозрения. — Когда и где?

Он посмотрел на часы.

— Сейчас у меня встреча с моим врачом, а вот вечером я свободен. Правда, наверное, вам будет неудобно?

Она немного замялась.

— Нет, всё в порядке, я смогу.

— У меня будут кое-какие дела, давайте я оставлю вам свой номер?

Она достала записную книжку с ручкой, и он записал свой номер. О месте они решили договориться позже.

— Я уже опаздываю, берегите себя, — сказал он и, попрощавшись до вечера, вошёл в клинику.

Ещё немного обдумав произошедшее, она отправилась на работу. В кабинете ей не удалось сосредоточиться ни на чём. Всё время она смотрела на часы, в ожидании, когда сможет позвонить. Увидев её из дверного проёма, к ней заглянул Макс. Они некоторое время говорили о работе, но он заметил, как она невнимательно отвечала на его вопросы невпопад, и было ясно, что её мысли заняты чем-то другим. Кабинет тонул в дневном ярком свете, бросавшем блики по столу.

— У тебя всё хорошо? — спросил он, слегка улыбаясь, и его вопрос вернул её в настоящее. Он откинулся в кресле напротив.

— А?.. Да, нормально, а что? — ответила она на улыбку.

— Нет, просто мне показалось, тебя что-то беспокоит.

— Почему? — спросила она, стараясь казаться бесстрастной.

— Не знаю, — он, конечно, заметил её обеспокоенный вид. И тут в её глазах сверкнул огонёк. Ей сильно хотелось поделиться с кем-то своим новым знакомством и, возможно, спросить совета.

— Ты вроде как здесь, но — начал он, обращаясь к напарнице, но не договорил, словно ожидая подтверждения своим словам.

— Заметно, да? — отозвалась она, рассеянно теребя в руках карандаш. Она сидела напротив, закинув ногу на ногу, на её лице, обычно живом и подвижном, читалась непривычная задумчивость.

Он понимающе кивнул в ответ.

— Знаешь, я сегодня познакомилась с одним человеком он бывший пациент доктора Рона, — произнесла она, словно нехотя делаясь мыслью, которую ещё сама не додумала до конца и не решалась озвучить.

— Он написал заявление? — Макс тут же напрягся, его взгляд, до этого уставший и рассеянный, стал цепким и внимательным.

— Нет. Я познакомилась с ним случайно, около клиники. — Она подняла на него глаза, в их глубине мелькнуло что-то неуловимое, какая-то смесь азарта и тревоги.

— Ты была в клинике? — Он приподнял брови, в его голосе прозвучала смесь удивления и неодобрения.

— Ага, — коротко бросила Елена, избегая его взгляда.

— Зачем?

Она немного растерялась, не зная, что на это ответить, ведь эту часть истории она не собиралась обсуждать ни с кем. Во всяком случае, в ближайшее время.

— Решила поговорить ещё раз, но это неважно, всё равно не вышло. — И она рассказала об их разговоре, о том, как этот человек решил сменить доктора на другого. — Вот видишь, ещё один человек чем-то недоволен. Ну ясно ведь, что-то происходит.

— Может, конечно, и ясно, но что это даст? Ты хочешь, чтобы он тоже обратился к нам?

— Нет, я хочу, чтобы он рассказал мне почему.

Макс смотрел на неё, не совсем понимая. Не то чтобы она всегда была открытой, но сегодня была какой-то особенно неуловимой.

— В общем, я, возможно, встречу с ним сегодня вечером, — неуверенно произнесла Елена, отводя взгляд.

Макс вопросительно приподнял бровь.

— Вечером?

— Ну да, он может только вечером.

— Здесь? — спросил Макс, надеясь, что это просто какое-то недоразумение. Он как-то не мог себе этого представить.

— Нет, не здесь. Я не стала говорить ему, где работаю. Вдруг бы его это напугало. Макс хмыкнул скептически.

— И где?

— Пока не знаю. Он сам выберет место, — пожала плечами она.

Макс посмотрел на неё своим фирменным проницательным взглядом, от которого у неё побежали мурашки.

— Ты идёшь непонятно куда, неизвестно с кем, и тебя это не пугает?

Она знала, что он, конечно прав, со стороны это выглядело даже абсурдно.

— Нет я ему, конечно, сообщу, чем я занимаюсь, в ходе беседы.

— Но — начал было Макс.

— Что? — она подняла на него встревоженный взгляд.

— Всё это как-то а нужно ли это делать? Если он на самом деле болен? — с сомнением произнёс он.

— Он говорил об интересных вещах, — она упрямо поджала губы.

Макс вздохнул. Он знал, что вряд ли сможет её отговорить. Елена была упрямой, когда ей что-то приходило в голову.

— Вот и я об этом.

— Я говорила с ним да нормальный он, во всяком случае, это первое впечатление.

Он встал из-за стола и подошёл к двери, задумавшись. Затем повернулся к Елене и предложил:

— Может, я пойду с тобой?

— Зачем?

— На всякий случай.

— Его это может спугнуть. Всё будет нормально, не переживай. — Елена попыталась улыбнуться, но Макс смотрел на неё, и ему казалось, что она сама не совсем верит своим словам.

Макс вернулся к себе, а она всё время поглядывала на часы, ожидая вечера. До него оставалась целая вечность. Нервная энергия бурлила внутри, не позволяя усидеть на месте. Из-за этого она бесцельно бродила по комнате, чтобы скоротать время. Когда она встала и подошла к окну, то заметила, как немного дрожат её руки. Непонятно от чего именно: от терапии или от предстоящей встречи. Может быть, от всего сразу. Она думала о том, что сейчас чувствует, о том, что будет, и о том, что было. Встречу можно было отменить, но она не могла, да и не хотела этого делать. Что-то внутри неё нуждалось в этом, жаждало противостояния, возможности, пусть даже самой незначительной, разрешить ситуацию. Но страх всё равно был с ней. И под страхом шевелилось что-то ещё. Мерцание стойкости, искра любопытства, кусочек надежды.

Елена сделала глубокий вдох, и холодный воздух заполнил её лёгкие. Дрожь в руках немного ослабла. Она снова посмотрела на часы. Оставалось ещё несколько часов.

Но на этот раз ход времени не казался ей угрозой, а больше напоминал обратный отсчёт. Наконец она набрала его номер, и через некоторое время ей ответил знакомый мужской голос. Он также узнал её по голосу и назвал время и адрес, который она подробно записала. Ещё оставалось время, она слышала, как по коридору расходятся люди по домам. И всё же она нервничала всё сильнее, и тут снова заглянул Макс.

— Ну как, созвонилась? — вошёл он в комнату.

— Да, позвонила. Не знаешь, где это? — она передала ему листок с адресом.

— Неблизко, — сказал он, объяснив ей, как туда добраться, и добавил, видя её растерянность: — Я всё-таки поеду с тобой.

Она не стала с ним спорить.

— Давай поедem сейчас, надоело сидеть здесь, — сказала она, и он вышел ждать её на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.